

Эгоцентрические языковые единицы

Е. В. Падучева

Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>).

На правах рукописи. Версия 06.2017

Эгоцентрические языковые единицы (иначе – **эгоцентрики**) – это слова, грамматические категории, синтаксические конструкции, семантика которых подразумевает, в качестве одного из участников описываемой ситуации, **говорящего**. Так, в примере (1а) говорящий выступает в роли субъекта неуверенного мнения в семантике вводного *кажется*; в (1б) – в роли субъекта желания в семантике сослагательного наклонения; в (1в) – в роли пространственного ориентира: *здесь* ≈ ‘в том месте, где находится говорящий’. Это дает основание называть слова *кажется*, *здесь* и категорию наклонения эгоцентриками.

(1) а. Иванов, *кажется*, в Москве – *кажется* ≈ ‘говорящему кажется’

б. Был *бы* сын здоров! ≈ ‘говорящий хочет, чтобы сын был здоров’

в. Осторожно, *здесь* гвозди – *здесь* ≈ ‘там, где находится говорящий’

Классические эгоцентрики – это **дейктические** слова, такие как *здесь*, *сейчас*, *сегодня*, *завтра*, *тут*, *там*, *этот*, *тот*, *вон*, *вот* и под. Они позволяют осуществлять референцию к лицам, объектам, событиям, участкам пространства и времени через отношение к говорящему в момент речи и в месте речи. Эгоцентриками являются также дейктические грамматические категории (такие как вид, время, наклонение); показатели субъективной модальности (в частности, вводные слова, типа *кажется*, *к сожалению*); показатели неопределенности (*какой-то*); оценочные слова и экспрессивы разного рода (*превосходный*, *супер*); метатекстовые показатели (*таки* как в *Она таки блондинка*; *иначе говоря*), частицы типа *разве*, *неужели*, *даже*, *хоть*, *якобы*; диалогические реакции (*да*, *нет*, *в самом деле*), междометия (*Ах!* *Ой!*) и многие другие языковые единицы, см. обзор в [п.11](#).

Местоимение *я* (а также *мы*, *мой*) тоже является эгоцентриком; но основу эгоцентрии составляет **имплицитный** говорящий, как в примерах (1а)–(1в); между тем местоимение *я* не подразумевает, а эксплицитно выражает говорящего. О местоимении *ты* см. в [п.2](#).

Следует различать эгоцентрию и [дейксис](#). Так, *даже*, *едва ли* – эгоцентрические слова, но не дейктические.

- 1 Каноническая коммуникативная ситуация
- 2 Говорящий как лицо и говорящий как коммуникативная роль
- 3 Режимы интерпретации эгоцентрических единиц
- 4 Специальные контексты употребления эгоцентрических единиц
  - 4.1 Автономный vs гипотаксический контекст
  - 4.2 Внутрифразовый vs дискурсивный контекст
- 5 Вторичные и первичные эгоцентрики
  - 5.1 Вторичные эгоцентрики
  - 5.2 Первичные эгоцентрики
  - 5.3 Свободный косвенный дискурс
  - 5.4 Персональная интерпретация утвердительной модальности
- 6 Исполнители роли говорящего: проекция
- 7 Семантические роли говорящего
  - 7.1 Говорящий как субъект речи
  - 7.2 Говорящий как субъект восприятия
  - 7.3 Говорящий как субъект сознания
  - 7.4 Говорящий в семантике дейксиса
- 8 Наблюдатель
  - 8.1 Определение наблюдателя

- 8.2 Наблюдатель как в глаголе показаться
- 8.3 Наблюдатель как в глаголе *белеть*
- 8.4 Наблюдатель как у *вдалеке, вдали*
- 8.5 Есть ли наблюдатель у слова *близко*?
- 8.6 Наблюдатель у *вдруг, неожиданно*
- 8.7 Наблюдатель у слов типа *важно*; генерализация
- 8.8 Перемещающийся наблюдатель
- 8.9 Наблюдатель в семантике вида
- 8.10 Наблюдатель в конструкции с генитивным субъектом локативного *быть*
- 8.11 Когда наблюдатель не является имплицитным говорящим
- 8.12 Наблюдатель в семантике глаголов движения и глаголов движения времени
- 9 Говорящий и определение презумпции
  - 9.1 Семантическая и прагматическая презумпция
  - 9.2 Фактивная презумпция как знание говорящего
- 10 Дейксис и анафора
- 11 Семантические сферы эгоцентрии
- 12 Краткая история изучения эгоцентрии
- 13 Библиография
- 14 Основная литература

1 Каноническая коммуникативная ситуация

Как пишет Э. Бенвенист [Бенвенист 1974: 295], «язык настолько глубоко отмечен выражением субъективности, что возникает вопрос, мог ли бы он, будучи устроенным иначе, вообще функционировать и называться языком». То, что Бенвенист называет **субъективностью** в языке, было впоследствии названо **эгоцентричностью**¹.

Язык в полной мере раскрывает свои возможности в контексте **канонической коммуникативной ситуации** [Lyons 1978: 637]. В определение канонической коммуникативной ситуации входят следующие условия.

I. Говорящий и слушающий присутствуют в контексте сообщения.

II (единство времени). Момент произнесения высказывания говорящим совпадает с моментом его восприятия слушающим.

III (единство места). Говорящий и слушающий находятся в одном и том же месте.

IV (общее поле зрения). Говорящий и слушающий имеют общее поле зрения; в частности, они могут видеть друг друга и видеть жесты друг друга.

Например, фраза *Твоя книга стоит вот тут* обретает смысл только в контексте канонической коммуникативной ситуации, когда слушающий видит указательный жест говорящего.

Однако язык функционирует не только в канонической ситуации, но и в разного рода неканонических. В неканонических ситуациях семантика эгоцентрических единиц претерпевает системные изменения. Так, неканонической является ситуация, в рамках которой интерпретируется надпись «Здесь не курят»: говорящий (создатель надписи) не присутствует в контексте сообщения, оно ориентировано на адресата – на место и время адресата, а не говорящего.

---

¹ Ср. близкий по содержанию термин «эгоцентризм» в [Шелякин 2005]. Слово *эгоцентрический* (в сочетаниях *эгоцентрическое указание, эгоцентрический аспект языка*) использует К. Бюлер, см. [Бюлер 1993: 132–135].

2 Говорящий как лицо и говорящий как коммуникативная роль

Говорящий фигурирует в лингвистической семантике в двух смыслах.

1) Говорящий в первом смысле – это то **лицо**, которое является автором конкретного высказывания, обращенного к конкретному адресату в конкретный момент времени. Говорящий в этом смысле есть только в канонической коммуникативной ситуации. В частности, только в канонической коммуникативной ситуации имеется **момент речи** – как момент осуществления высказывания говорящим, одновременный моменту его восприятия адресатом-слушающим (см. [Fillmore 1975: 53]). При этих условиях, если я сказал (2), это значит, что Иван уйдет через небольшой промежуток времени после момента речи. Если я сказал (3), это значит, что Иван занят на неопределенном временном интервале, включающем момент речи.

(2) Иван *сейчас* уйдет;

(3) Иван *сейчас* занят.

2) Говорящий во втором смысле – это **коммуникативная роль**. Значение многих слов (и других языковых единиц) включает участника ситуации, охарактеризованного только своей ролью в акте коммуникации – ролью говорящего. Примеры слов (они выделены курсивом), в значение которых входит говорящий как коммуникативная роль:

(4) Иван *едва ли* придет $\supset$ 'говорящий считает, что приход Ивана маловероятен'

(5) На дороге *показался* всадник $\supset$ 'всадник показался в поле зрения говорящего'

(6) Почему ты *вдруг* замолчал? $\supset$ 'говорящий не ожидал, что слушающий замолчит'

Если такое слово использовано в конкретном высказывании, то при определенных условиях, которые будут уточнены ниже, роль говорящего (во втором смысле) исполняет говорящий в первом смысле. Но в контексте, где эти условия не выполнены, роль говорящего будет выполняться не говорящим лицом, а другим лицом, которое вычисляется по определенным правилам. Эти правила будут предъявлены в [п.3](#) (о режимах интерпретации) и в [п.6](#) (о понятии проекции и разных исполнителях роли говорящего).

В последующих формулировках должно быть всегда понятно, в каком из этих двух смыслов употребляется термин «говорящий». Для ясности говорящий в первом смысле может быть назван «говорящее лицо» или «говорящий как автор данного высказывания».

Имплицитный говорящий (роль), эгоцентрический субъект, может быть не равен по функции местоимению 1-го лица. Пример из [Булыгина, Шмелев 1997]. Субъектом неуверенного знания, которое выражается вводным словом *кажется*, по умолчанию является имплицитный говорящий. Местоимение *я*, эксплицитный субъект 1-го лица, меняет семантику вводного слова. Фраза *Кажется, фильм хороший* может быть произнесена в ситуации передачи информации, полученной от других лиц; или когда фильм недосмотрен до конца. А фраза *Мне кажется, фильм хороший* свидетельствует о неуверенности субъекта в собственной оценке.

Другой пример – слово *послышалось*. При подразумеваемом субъекте глагол понимается как восприятие говорящего: *послышался стук колес* = 'говорящему послышался'. А в дативной конструкции с местоимением 1-го лица (*мне послышался стук колес*) глагол обозначает неуверенное восприятие:

(7) Мне *послышалось*, что вы сказали что-то по-итальянски [Тэффи. Забытый путь (1910)]

Ср. также неуверенное восприятие в примере (8):

(8) В тоне его приветствия мне *послышался* вызов. [О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)]

Важные семантические различия между эксплицитным и имплицитным говорящим, отмечены в [Stephenson 2007].

ПРИМЕЧАНИЕ. По-видимому, не всегда говорящий является участником ситуации. Ср. толкование одного из значений *по крайней мере* в [Апресян В. 2015]: Р *по крайней мере* 1 Q = 'говорящий не знает точную величину Р; говорящий утверждает, что Р не меньше, чем Q; говорящий считает, что Р может быть больше, чем Q'. Здесь едва ли можно сказать, что

говорящий является участником ситуации *по крайней мере*. Но в прототипическом случае говорящий – участник ситуации.

Есть языковые единицы, значение которых ориентировано на адресата, – обращение, императив и проч. Но «ту-центричность» (от латинского *tu* ‘ты’) можно считать разновидностью эгоцентричности: в конце концов, *ты* – это тот, к кому обращена речь говорящего. Местоимение *ты* и ту-центричность далее не обсуждаются.

3 Режимы интерпретации эгоцентрических единиц

Разным типам коммуникативных ситуаций соответствуют разные **режимы интерпретации** эгоцентриков.

Диалогический режим (иначе – **речевой**) соответствует контексту канонической коммуникативной ситуации, когда есть полноценный говорящий, такой что:

- у него есть синхронный адресат;
- он находится с адресатом в одном и том же месте и имеет с ним общее поле зрения;
- он может пользоваться жестами, которые видны адресату;
- его адресат способен реагировать на обращение, отвечать на вопрос и т.д.

Монолог может быть в каких-то отношениях похож на диалог: адресат может быть мысленным. Так, последний монолог Чацкого из «Горя от ума» А. С. Грибоедова выдержан в речевом режиме.

Нарративный режим не предполагает участия полноценного говорящего в создании и интерпретации текста. Даже в нарративе от 1-го лица говорящий неполноценный, поскольку он не имеет общего с адресатом момента речи. Говорящего как лицо (которое выполняет коммуникативную роль говорящего, входящую в семантику того или иного эгоцентрика, см. [п.2](#)) замещает в нарративе повествователь или персонаж (см. [Падучева 1996: 198 ff]).

В [Апресян 1986/1995] рассматривается следующий пример (см. аналогичный пример в [Апресян 2009: 513]). Предложение (9) с эгоцентрическим *сейчас* неоднозначно – оно понимается по-разному в разных режимах, поскольку роль говорящего (входящую в семантику *сейчас*) выполняют разные лица:

(9) Он только *сейчас* понял, какой радостью был для него этот неожиданный приезд жены.

Понимание 1. Высказывание интерпретируется в диалогическом режиме (в терминах Ю. Д. Апресяна, это **первичный дейксис**). У высказывания есть говорящий (говорящее лицо), отличный от денотата подлежащего 3-го лица *он*, и *сейчас* обозначает время высказывания, сделанного говорящим лицом, т.е. момент речи. Ответственность за описание состояния субъекта 3-го лица (в придаточном предложении) тоже несет говорящее лицо.

Понимание 2. Предложение интерпретируется в нарративном режиме (в терминах из [Апресян 1986/1995] это **вторичный дейксис**) – как часть повествования; *сейчас* обозначает текущий момент текстового времени (см. о текущем моменте [п.5](#)), в данном случае – настоящее время персонажа. Субъект один – это персонаж, обозначенный 3-м лицом *он*; этот субъект вербализует свое собственное состояние.

Другой пример, демонстрирующий релевантность режима интерпретации. Вводное слово *видимо* выражает предположение говорящего, сделанное на основании наблюдаемых или известных говорящему данных (ср. о *видимо* в АС). При этом в диалогическом режиме роль говорящего – и, соответственно, субъекта предположения – выполняет говорящее лицо, см. пример (10), а в нарративе субъектом предположения может быть повествователь, как в (11), или персонаж, как в (12).

- (10) – Витя, – сказала Людмила Николаевна, – надо позвонить Шишакову. – Ты, *видимо*, недооцениваешь того, что произошло. Никому не нужно звонить. [В. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]
- (11) Распахнулась дверь, вышла Аля, из глаз её, *видимо*, брызгало счастье, потому что всё мужчины сняли шляпы и кепки. [А. Азольский. Лопушок (1998)]
- (12) Существенно позже и Павел Алексеевич, и Елена поняли, что же с Таней произошло, – ей, *видимо*, казалось, что музыкальные её успехи обидны будут Томе, отродясь никакой музыки, кроме как из репродуктора, не слышавшей... [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого (2000)]

Основание для предположения может быть выражено эксплицитно, см. *потому что* в примере (11).

ПРИМЕЧАНИЕ. В семантике *видимо* такое же совмещение перцептивного и ментального компонентов, как в семантике *видеть* (см. об этом совмещении, например, в [Wierzbicka 1969]; [Падучева 2004: 44]):

- (13) На кухне ужинал Олег. *Видимо*, только что вернулся с работы. "Много работает", – отметила про себя Ирина. [В. Токарева. Своя правда (2002)]

Термин режим интерпретации следует понимать как режим не только понимания, но и употребления эгоцентрических единиц. (Термин отражает тот факт, что современная семантика вообще ориентирована больше на интерпретацию, чем на порождение текста.)

Можно было бы говорить не о режимах интерпретации эгоцентрических единиц, а о типах текста – типах дискурса, диалогическом и нарративном, см. [Шмид 2008]. Однако понятие режима удобнее, поскольку смена режима интерпретации может происходить многократно на протяжении одного текста. Более того, возможны разные ориентиры для разных эгоцентрических единиц одной и той же предикации: во фразе *Вася сказал, что Петя придет сегодня* индикатив *придет* интерпретируется в гипотаксическом контексте (см. [п.4.1](#)) и соотносится с матричным субъектом, а *сегодня* – в речевом режиме и соотносится с говорящим².

Что касается нарратива, то следует различать **традиционный нарратив** (в том числе – повествование от первого лица) и **свободный косвенный дискурс**, который характеризуется широким использованием **несобственной прямой речи** (см. о несобственной прямой речи [Ковтунова 1953, 2010] и обзор на тему свободного косвенного дискурса в [Падучева 1996: 335 ff]). О свободном косвенном дискурсе (где действуют правила употребления эгоцентриков, более свободные, чем в традиционном нарративе) будет сказано в [п.5.3](#) – после того как эгоцентрики будут разделены на первичные и вторичные.

4 Специальные контексты употребления эгоцентрических единиц

4.1 Автономный vs гипотаксический контекст

В диалогическом режиме говорящий выполняет роль подразумеваемого субъекта эгоцентрической единицы в независимом предложении (как в (1)–(6)) и в главном предложении сложноподчиненного, как в (9). Это **автономный** контекст. Придаточное предложение – это **гипотаксический** контекст: в гипотаксическом контексте говорящего как автора высказывания часто замещает лицо, обозначенное подлежащим главного предложения, – имеет место **гипотаксическая проекция**. Так, в (14) подразумеваемый субъект эгоцентрика *едва ли* не говорящий, как в (4), а Маша.

- (14) Маша считает, что Иван *едва ли* придет.

² Пример предложен М. А. Холодиловой.

Гипотаксический контекст – это, прежде всего, контекст сентенциального актанта с глаголом речи, мысли, восприятия. С другими придаточными дело обстоит сложнее. Так, в придаточном причинном и уступительном направлении проекции подразумеваемого субъекта эгоцентрической единицы синтаксически охарактеризовать трудно:

- (15) Унтер-офицеры и размалеванная девица за соседним столиком захихикали, сами не зная чему, потому что *едва ли* поняли хоть слово из сказанного. [Л. А. Чарская. Золотая рота (1911)] – субъект оценки вероятности – повествователь
- (16) Вот что, Поллак: нужны две тысячи... не скажу, чтобы взаимны, потому что *едва ли* вам их кто отдаст... [Л. Н. Андреев. К звёздам (1905)] – субъект оценки вероятности – говорящий
- (17) Мы трое: Павлик, Оська и я – были нужны друг другу, хотя *едва ли* смогли бы назвать в словах эту нужность. [Ю. М. Нагибин. В те юные годы (1983)] – субъект оценки вероятности – повествователь
- То же в придаточном относительном:
- (18) Разумеется, я не говорю здесь о графе Твэрдоонто, который *едва ли* даже понимает значение слова «родина», [М. Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом (1880-1881)] – субъект оценки вероятности – говорящий
- (19) Он [Пилат] понял, что имеет дело с Проповедником, который *едва ли* опасен для режима. [А. Мень. Сын Человеческий (1969)] – субъект оценки вероятности – Пилат
- Гипотаксис есть и в диалогическом, и в нарративном дискурсе. Ср.:
- (20) – Вот теперь я *вижу*, что ты все-таки иностранец. [З. Юрьев. Смертельное бессмертие (2007)] – гипотаксис в диалогическом дискурсе
- (21) Он *видел*, что не нравится теще, и это его сковывало. [В. Токарева. Своя правда (2002)] – гипотаксис в нарративе

4.2 Внутрифразовый vs дискурсивный контекст

Есть эгоцентрики, которые функционируют и во **внутрифразовом**, и в **дискурсивном** контексте; иначе говоря, имеют помимо внутрифразовой, еще и дискурсивную функцию (о дискурсивных функциях грамматических категорий см. [Плунгян 2008]). Таков, например, грамматический вид. Внутрифразовая функция вида – это, прежде всего, **ракурс**, синхронный vs ретроспективный, см. [Падучева 1986]; [Smith 1991/1997]. Дискурсивная (иначе – текстовая) функция вида – это противопоставление **синхронность** vs **секвентность**. Например, в (22) несовершенный вид; он выражает синхронность (ситуации *возвращались*, *бежал*, *играла* происходят параллельно); в (23) совершенный; он выражает секвентность (ситуации *вдохнул*, *вытер*, *начал рассказывать* имеют место последовательно)³:

- (22) Полки наши *возвращались* из-за границы. Народ *бежал* им навстречу. Музыка *играла* завоеванные песни: Vive Henri-Quatre, тирольские вальсы и арии из Жоконда. [А. С. Пушкин. Повести покойного Ивана Петровича Белкина / Метель (1830)]
- (23) Григорий Иванович шумно *вдохнул*, *вытер* подбородок рукавом и *начал рассказывать*... [М. М. Зощенко. Аристократка (1923)]

Дискурсивные функции русского вида в существенной степени предсказываются его внутрифразовыми функциями, см. об этом в [п.8.9](#). Однако дискурсивные функции вида требуют отдельного рассмотрения (см. [Маслов 1984: 189 ff]; [Падучева 1996: 362–364]). Так, в примере (24) ракурсы у имперфективной и перфективной ситуации разные, а ситуации связаны отношением одновременности (т.е. синхронности):

- (24) <Программу первого класса Таня прошла дома.> Она хорошо *читала* и *освоила* счёт. [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого (2000)]

³ Термин «дискурсивная» употреблен здесь в широком смысле: так, ту же дискурсивную функцию вид выполняет в (23) – не на уровне текста, а внутри предложения с сочиненными предикатами.

Дискурсивные функции аспектуальных показателей ближе к универсальным, чем внутрифразовые [Плунгян 2008]. Так, во всех языках в секвентной функции естественно видеть перфективные формы, ср. латинское *veni vidi vici*.

Внутрифразовая и дискурсивная интерпретация может различаться также у слов. Например, *вдруг* в примере (6) из п.2 имеет внутрифразовую интерпретацию, а в (25) – дискурсивную:

(25) Я сидел за компьютером. *Вдруг* раздался звонок в дверь.

Другой пример – внутрифразовое и нарративное *пусть* – в (26) *пусть* внутрифразовое, в (27) – нарративное, т.е. текстовое, дискурсивное (примеры из [Добрушина 2008]):

(26) Обращайтесь к представителям вашего лесничества, а они, в свою очередь, *пусть* звонят в Центр защиты леса. [«Аргументы и факты» (2001)]

(27) *Пусть* он Вас не любит – есть такие люди, которые вас обожают. [А. Е. Лабзина. Воспоминания (1810)]

Есть эгоцентрики, которые имеют только внутрифразовую или только дискурсивную функцию. Ср. пару *вчера – накануне*: слово *вчера* имеет дейктическое значение и не предполагает специального текстового контекста, а *накануне* – это **анафор**, который отсылает к предтексту, т.е. имеет только дискурсивную функцию (**анафора** в ее противопоставлении дейксису рассматривается в п.10).

Ср. также пару *скоро – вскоре*. Наречие *скоро* допустимо в любом режиме; между тем *вскоре* тяготеет к нарративу. Так, во фразе *Он вскоре уйдет* будущее время понимается, из-за *вскоре*, как «будущее в прошедшем», т.е. как нарративное будущее, см. п.5.2. (В [Fillmore 1975: 41] приводится пример невозможного внутрифразового употребления *in a while* ≈ ‘вскоре’: **He did it in a while.*)

Аналогичная пара – *впоследствии* и *потом*. Наречие *впоследствии* допускает только дискурсивную интерпретацию: *впоследствии* = ‘во временной момент, следующий за точкой отсчета’, который может быть задан глаголом как в прошедшем времени, см. (28), так и в будущем, см. (29):

(28) Среди заложников находилось 75 иностранных граждан, в том числе граждане Нидерландов, Германии, США, Австралии, ближнего зарубежья – Молдавии, Белоруссии, Украины, Латвии. Боевики обещали <точка отсчета> их отпустить, но *впоследствии* отказались это сделать [«Известия» (2002)]

(29) Ясно, что деньги, которые ближайшее окружение Ельцина попытаются собрать таким образом, *впоследствии* пойдут на предвыборную кампанию. [«Коммерсантъ-Власть» (1999)]

Между тем *потом* допускает как дискурсивную, см. (30а), так и дейктическую, внутрифразовую интерпретацию, см. (30б):

(30) а. Эту первую статью Федор будет помнить *потом* всю жизнь (пример из [Бондарко 1983]); б. Я сделаю это *потом*.

Есть эгоцентрики с интродуктивной, т.е. катафорической функцией. Они тоже имеют дискурсивную семантику, только отсылают не к предыдущему, а к последующему тексту. Таковы, в частности, слова *один* и *однажды*, см. [Падучева 2013] – предложение (31) с грамматической обязательностью требует продолжения:

(31) *Один* еврей купил по случаю льва.

5 Вторичные и первичные эгоцентрики

В неканонических коммуникативных ситуациях разные эгоцентрики ведут себя по-разному. С точки зрения поведения в неканонических режимах и контекстах эгоцентрики делятся на вторичные (иначе – мягкие; это более широкий класс) и первичные (иначе – жесткие).

5.1 Вторичные эгоцентрики

Вторичные (т.е. **мягкие**) эгоцентрики допускают употребление не только в диалогическом режиме и в автономном контексте, но и в нарративе и в гипотаксическом контексте. В неканоническом режиме они сохраняют значение и всего лишь меняют ориентацию, т.е. исполнителя роли говорящего. В гипотаксическом контексте ориентация на говорящее лицо заменяется ориентацией на субъект подчиняющего предложения; в нарративе это может быть персонаж или повествователь. (Как было сказано в [п.3](#), в нарративе нет полноценного говорящего.)

Так, в примере (14) из [п.4.1](#), в гипотаксическом контексте, субъект сомнения у *едва ли* не говорящий, как в (6) из [п.2](#), а Маша: тут играет роль тот факт, что *едва ли* – вторичный эгоцентрик. В примере (9) в понимании 2, в нарративном контексте, *сейчас* обозначает не момент речи (т.е. настоящее время говорящего), а **текущий момент** в развитии повествования – в данном случае, настоящее время персонажа.

В (32) *сейчас* обозначает настоящее время персонажа, в (33) – настоящее время повествователя (примеры из [Падучева 1996: 276]). Это, соответственно, **персональная и аукториальная** интерпретации вторичного эгоцентрика *сейчас* в нарративе.

(32) Он <Тиверзин> вышел, хлопнув дверью, и зашагал вперед, не оборачиваясь. Его окружали осенняя сырость, ночь, темнота. <...> Этот мир был ему *сейчас* ненавистнее, чем когда-либо. (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго)

(33) Пожилой пассажир, сидевший у окна неумолимо мчавшегося железнодорожного вагона <...>, был не кто иной, как профессор Тимофей Пнин. Идеально лысый, загорелый и гладко выбритый, он начинался довольно внушительно огромными черепаховыми очками <...>, но заканчивался несколько разочаровывающе, парой журавлиных ног (*сейчас* они во фланелевых штанах, одна на другой) и хрупкими, почти женскими ступнями. (В. В. Набоков. Пнин, перевод Г. Барабтарло)

Другой пример – вводное слово *конечно*. В (34) эгоцентрик *конечно* имеет персональную интерпретацию, в (35) – аукториальную:

(34) Пилат объяснился. Римская власть ничуть не покушается на права духовной местной власти, первосвященнику это хорошо известно, но в данном случае налицо явная ошибка. И в исправлении этой ошибки римская власть, *конечно*, заинтересована. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)]

(35) За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь! Нет! Мастер ошибался, когда с горечью говорил Иванушке в больнице в тот час, когда ночь перевалилась через полночь, что она позабыла его. Этого быть не могло. Она его, *конечно*, не забыла. Прежде всего откроем тайну, которую мастер не пожелал открыть Иванушке. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)]

Из грамматических категорий вторичным эгоцентриком является вид: видовые формы не меняют своего значения при изменении режима и контекста, а меняют только ориентацию.

Из синтаксических конструкций вторичными эгоцентриками являются обстоятельства времени со значением предшествования, см. описание этих конструкций в [Сай 2010] (ниже приводятся примеры из цитируемой работы).

В речевом режиме точкой отсчета (ориентиром) является момент речи:

(36) ... именно в Кремле вот *уже несколько столетий как* поселилась стая ворон, упорно не желающих менять место жительства [Б. Яриценко. Посторонний в Кремле (2004)]

(37) Телевизор *уже два года как* сломан... [А. Слаповский. День денег (1998)]

Между тем в нарративе в качестве временного ориентира используются события, имевшие место в прошлом:

(38) Они *часа уже три как* приехали, но Софи все еще одевалась... [А. Ф. Писемский. Взбаламученное море (1863)]

Несовпадение точки отсчета с моментом речи может маркироваться лексическими средствами, например, при помощи уточнений типа *тогда, к (тому) моменту, к (тому) времени*:

(39) Ждали и Горбачева, *тогда уже два года как* свергнутого со своего поста [А. Тарасов. Миллионер (2004)]

(40) Конфуз был в том, что *к моменту* выхода статьи пакет в ЛУКОЙЛе был *уже две недели как* продан – больше, чем за полмиллиарда долларов. [Отечественные записки (2003)]

В принципе возможна ситуация, когда эгоцентрик допустим в нарративе, но не в гипотаксисе; или наоборот. Например, грамматическое время свободно поддается проекциям в гипотаксисе, см. [Падучева 2010]. Но в нарративе оно меняет значение, и потому относится к первичным эгоцентрикам (см. [п.5.2](#)).

5.2 Первичные эгоцентрики

Первичные (иначе – **жесткие**) эгоцентрики – это такие, которые употребляются только в диалогическом режиме и не заменяют ориентацию на говорящего ориентацией на другое лицо в неканонических контекстах. В нарративе и гипотаксическом контексте они не употребляются или меняют значение (а не просто ориентацию, как вторичные эгоцентрики).

Примером первичного эгоцентрика в русском языке является грамматическое [время](#). В самом деле, между значением формы прошедшего времени НСВ в речевом режиме и в нарративе вопиющая разница. Согласно общепринятым определениям, настоящее время означает одновременность моменту речи, а прошедшее выражает предшествование моменту речи:

(41) Кто *сидел* на моем маленьком стульчике и сломал его? (Л. Н. Толстой. Три медведя) – прямая речь, т.е. речевой режим; форма прошедшего времени выражает предшествование

Между тем, форма прошедшего времени НСВ, которая в речевом режиме обозначает **предшествование** (моменту речи), см. пример (41), в нарративном выражает **одновременность** (настоящему времени повествователя или текущему моменту текста), см. пример (42):

(42) Компания охотников *ночевала* в мужицкой избе на свежем сене. В окна *глядела* луна, на улице грустно *пиликала* гармоника, сено *издавало* приторный, слегка возбуждающий запах. (А. П. Чехов. Зиночка) – нарративный режим; прошедшее время выражает одновременность

Форма прошедшего времени в нарративе изменила значение; это значит, что прошедшее время НСВ – первичный эгоцентрик. Форма настоящего времени тоже меняет значение в нарративе (настоящее историческое = настоящее нарративное, см. [Настоящее время](#)) и является первичным эгоцентриком.

Что же касается будущего времени, то оно вторичный эгоцентрик – в гипотаксическом контексте меняется только точка отсчета (ориентир): в (43а) *придет* означает ‘придет в момент более поздний, чем момент речи’, в (43б) *придет* – в момент более поздний, чем точка отсчета (а именно, момент, заданный временем матричного предложения).

(43) а. Иван *придет*; б. Иван сказал, что *придет*, но не пришел.

Есть так называемое **будущее нарративное** (в другой терминологии – **будущее историческое**, см. [Нефутуральные употребления будущего времени / п.8](#)), которое тоже показывает, что будущее время – вторичный эгоцентрик:

(44) Его вызвали на трибуну Мраморного зала, где потом, много-много лет спустя, он *будет отмечать* сорокалетие окончания института. [Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)]

Момент в прошлом (*вызвали*) рассматривается как настоящий момент, от которого последующие события отсчитываются как будущие, см. *потом* и *спустя*.

ПРИМЕЧАНИЕ. Интересный пример употребления грамматического времени дает союз *пока*, см. о нем [Подчинительные союзы / п.7](#). Союз *пока* лицензирует действительное употребление формы прошедшего времени, которое апеллирует к моменту речи. Во фразе *Пока Иван не пришел, Маша приготовит обед* отрицание при глаголе прошедшего времени СВ в придаточном предложении выражает состояние ненаступления события [Падучева 2011а]. Это состояние имеет место в момент речи, так что будущее время в главном предложении отсчитывается от момента речи и интерпретируется как будущее диалогического режима.

Грамматическое время локализует ситуацию относительно момента речи в речевом режиме и в автономном контексте. В гипотаксическом контексте категория времени выражает **таксис** [Храковский 2003]; [Плунгян 2011: 365], иначе – **относительное время**.

Так, в контексте глаголов речи и ментальных форма настоящего времени выражает одновременность ситуации матричного предложения, а форма прошедшего времени – предшествование (см. [Падучева 2010]):

- (45) а. Иван сказал, что Таня *плачет* – одновременность
б. Иван сказал, что Таня *плакала* – предшествование

- (46) а. Я узнал (слышал), что этот портрет *висит* в Музее Маяковского;
б. Я узнал (слышал), что этот портрет *висел* в Музее Маяковского.

В контексте глагола *видеть* (в значении зрительного восприятия, в частности, с союзом *как*) по понятным причинам возможна только одновременность, так что формы настоящего и прошедшего времени могут быть равнозначны:

- (47) Иван видел, как Таня *плакала* / как Таня *плачет* – одновременность

В нарративном режиме тоже момент речи заменяется другими точками отсчета, см. об этом [Падучева 2010]. Так что прошедшее время НСВ отсчитывается от момента речи только в речевом режиме и в автономном контексте, а в остальных контекстах поддается проекции.

Поведение эгоцентрика в неканоническом режиме и в неканоническом контексте может быть разным. Эгоцентрик первичный, если его значение меняется хотя бы в одном случае. Именно в этом смысле время – первичный эгоцентрик.

Первичными, т.е. жесткими, эгоцентриками являются **презентативы** (термин из [Fillmore 1975: 41]), которые предполагают указательный жест говорящего: *вот такой, вот так, вот*. Они употребляются только в речевом режиме.

Первичными эгоцентриками являются некоторые **вводные слова** – такие как *кстати, само собой, чего доброго*.

Наконец, первичным эгоцентриком является вопросительная иллюкутивная модальность: вопрос (от лица персонажа) невозможен в традиционном нарративе (о вопросе в особом типе нарратива – «свободном косвенном дискурсе» – см. [п.5.3](#)).

Главное свойство вторичных эгоцентриков – то, что они свободно подвергаются проекции (см. о проекции более подробно в [п.6](#)): не меняя значения, они меняют только ориентир, т.е. исполнителя роли говорящего. Примеры (32), (33) демонстрировали двоякую – диалогическую и нарративную – интерпретацию *сейчас*. Существенно, однако, что нарративная (и гипотаксическая) проекция возможна только для *сейчас* в значении *сейчас-1* (*сейчас* одновременности). Употребление *сейчас* в значениях *сейчас-2* ‘только что’ и *сейчас-3* ‘вот-вот’ невозможно ни в нарративе, ни в гипотаксисе: в этих значениях *сейчас* является жестким, первичным эгоцентриком, см. [Падучева 1996: 273]. Так, в примере (48) при переводе прямой речи Вани в косвенную *сейчас* заменяется на *только что*:

- (48) а. Ваня сказал: «Я *сейчас* видел королеву»;
б. Ваня сказал, что он *только что* видел королеву.

ПРИМЕЧАНИЕ. В примере (49а) *сейчас* употреблено в значении *сейчас-2* ‘только что’; в примере (49б) – в значении *сейчас-3* ‘вот-вот’:

- (49) а. Двое были в муке, – видно, что *сейчас* из пекарни. [Б. С. Житков. Пекарня (1922)]

б. Взяв у Паташона деньги и сказав, что он *сейчас* вернется, парень исчез. [Ю. Никулин. Как я стал клоуном (1979)]

В (49а) употребление фразеологически связанное, в (49б) – цитатное. Так что безоговорочно употребляется в нарративе только синхронное *сейчас*.

Аналогичная разница между словами *сегодня* и *завтра*: слово *сегодня* может употребляться в нарративе – в значении, близком к ‘сейчас’, а для *завтра* есть специальный нарративный вариант *назавтра*.

Как правило, если эгоцентрик может употребляться, не меняя значения, в гипотаксическом контексте, то он может употребляться и в нарративном, и наоборот. Грамматическое время, как мы видели, является исключением.

5.3 Свободный косвенный дискурс

Противопоставление первичных-жестких и вторичных-мягких эгоцентриков играет важную роль при рассмотрении особой разновидности нарратива – **свободного косвенного дискурса**. В таком нарративе почти все первичные-жесткие эгоцентрики допускают персональную интерпретацию – так же, как вторичные (см. [Падучева 1996: 335–353]).

Так, в свободном косвенном дискурсе персональную интерпретацию может иметь типичный первичный эгоцентрик – категория времени. Прошедшее время, используемое для обозначения текущего положения вещей, так наз. прошедшее нарративное, – это время повествователя. Свободный косвенный дискурс может использовать настоящее время как время персонажа. Пример (приводится, с другим анализом, в [Ковтунова 1953]).

(50) Напоминание о сыне вдруг вывело Анну из того безвыходного положения, в котором она находилась. Она вспомнила ту, отчасти искреннюю, хотя и много преувеличенную, роль матери, живущей для сына, которую она взяла на себя в последние годы, и с радостью почувствовала, что в том состоянии, в котором она находилась, у ней есть держава, независимая от положения, в которое она станет к мужу и к Вронскому. Эта держава – был сын. В какое бы положение она ни стала, она *не может* покинуть сына. Пускай муж опозорит и выгонит ее, пускай Вронский охладет к ней и продолжает вести свою независимую жизнь (она опять с желчью и упреком подумала о нем), она *не может* оставить сына. У ней *есть* цель жизни. И ей *надо* действовать, действовать, чтоб обеспечить это положение с сыном, чтобы его не отняли у ней. Даже скорее, как можно скорее *надо* действовать, пока его не отняли у ней. *Надо* взять сына и уехать. Вот одно, что ей *надо* теперь делать. Ей нужно было успокоиться и выйти из этого мучительного положения. Мысль о прямом деле, связывавшемся с сыном, о том, чтобы сейчас же уехать с ним куда-нибудь, дала ей это успокоение. (Л. Н. Толстой. Анна Каренина, часть 3, гл. XV)

Время персонажа (настоящее) начинается на фразе *она не может оставить сына* и кончается на фразе *Вот одно, что ей надо теперь делать*: прошедшее время во фразе *Ей нужно было успокоиться* – это уже время повествователя.

Рассказ А. П. Чехова «Невеста» можно предьявить как характерный пример свободного косвенного дискурса: в нем большое место занимает несобственная прямая речь. Несколько характерных отрывков из этого рассказа. Курсивом выделены маркеры несобственной прямой речи – первичные и вторичные эгоцентрики, имеющие ориентиром субъект 3-го лица.

(51) *Слышно* было, как *где-то далеко, очень далеко*, за городом, кричали лягушки. *Чувствовался май, милый май! Дышалось* глубоко и *хотелось* думать, что не *здесь*, а *где-то* под небом, над деревьями, далеко за городом, в полях и лесах, развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманию слабого, грешного человека. И *хотелось почему-то* плакать. <...>

Когда Надя проснулась, было, *должно быть*, часа два, начинался рассвет. *Где-то далеко* стучал сторож. Спать *не хотелось*, лежать было очень мягко, неловко. Надя, как и во все прошлые майские ночи, села в постели и стала думать. <...>

В большое старое окно *виден сад*, дальние кусты густо цветущей сирени, сонной и вялой от холода; и туман, белый, густой, тихо *подплывает* к сирени, *хочет* закрыть ее. На дальних деревьях *кричат* сонные грачи.

– Боже мой, отчего мне так тяжело!

Быть может, то же самое испытывает перед свадьбой каждая невеста. *Кто знает! Или тут влияние Саши?* Но ведь Саша уже несколько лет подряд говорит всё одно и то же, как пописанному, и когда говорит, то кажется наивным и странным. *Но отчего же все-таки Саша не выходит из головы? отчего?* [А. П. Чехов. Невеста (1903)]

Характерным маркером несобственной прямой речи в этом отрывке является форма настоящего времени, обозначающая настоящее время персонажа (*виден сад, кричат сонные грачи, подплывает, хочет*), вопросы персонажа (*Или тут влияние Саши? Но отчего же все-таки Саша не выходит из головы? отчего?*), обращение (*милый май!*) и экспрессивный повтор (*где-то далеко, очень далеко*). Изобилие вторичных эгоцентриков с персонажной ориентацией (таких как модальные и прочие предикативы – *должно быть, слышно, хотелось, чувствовался май, дышалось* глубоко; ближний дейксис и дейктические адвербиалы – *здесь, далеко*; неопределенные местоимения и адвербиалы – *где-то*, оценочные эпитеты – *прекрасная, милый*); риторический вопрос (*Кто знает!*) усиливают впечатление свободного косвенного дискурса.

Вопрос – типичный пример жесткого (первичного) эгоцентрика (см. [п.5.2](#)): он маркирует нарратив как свободный косвенный дискурс, ср. примеры:

(52) Лиза спала, приоткрыв розовый рот с неправильными, друг на друга сдвинутыми зубами. *Как это он раньше не видел, что она прекрасна? Он любил её до боли в груди.* [И. Грекова. Фазан (1984)]

(53) Преосвященный помнил ее <мать> с раннего детства, чуть ли не с трех лет и – как любил! Милое, дорогое, незабвенное детство! *Отчего* оно, это навеки ушедшее, невозвратное время, отчего оно кажется светлее, праздничнее и богаче, чем было на самом деле? [А. П. Чехов. Архиерей (1902)]

Так что жесткие эгоцентрики исключены в традиционном нарративе, но возвращаются в нарратив в свободном косвенном дискурсе.

5.4 Персональная интерпретация утвердительной модальности

Открытием в теории нарратива можно считать обнаружение того факта, что персональную интерпретацию может иметь **утвердительная иллокутивная модальность** (см. [Модальность / п.3](#)). Сам факт наличия субъекта (всегда подразумеваемого) у утвердительной модальности (т.е. у индикатива) не был до сих пор предметом внимания. То, что субъект есть, скажем, у оптатива, не вызывает сомнений – естественно, что у желания имеется субъект⁴. Нельзя, однако, не признать, что и у утвердительной иллокутивной модальности тоже должен быть субъект: как известно, на утверждающем лежит ответственность за его утверждение – он несет так называемое эпистемическое обязательство (см. о парадоксе Мура в [п.7](#)). В традиционном нарративе субъектом эпистемического обязательства, которое входит в семантику индикатива, всегда является повествователь (но не персонаж, как для вторичных эгоцентриков), так что индикатив – первичный эгоцентрик. Между тем в контексте несобственной прямой

⁴ См. в [Плунгян 2000: 317] о том, что грамматические показатели модальности описывают, в разных языках, либо точку зрения синтаксического субъекта, либо говорящего.

речи индикатив может оказаться, как и другие первичные эгоцентрики, в распоряжении персонажа, т.е. 3-го лица. Пример (из [Tammi 2003]):

(54) He <Frank Churchill> stopped again, rose again, and seemed quite embarrassed. – He was more in love with her than Emma had supposed <...>.

‘Он <Фрэнк Черчил> снова остановился, снова встал и, казалось, был весьма смущен. Он был влюблен в нее больше, чем Эмма могла предполагать’ (Джейн Остин. Эмма)

Второе предложение этого текста передает впечатление Эммы – которое, как читатель скоро узнает, не соответствует действительности. Несобственная прямая речь оказывается приемом, которым автор пользуется для того, чтобы ввести читателя в заблуждение: субъектом индикатива в данном контексте является не повествователь, а персонаж – который имеет право ошибаться (см. [Падучева 2012]).

Пример персональной интерпретации утвердительной иллюкутивной модальности в русском языке:

(55) — Профессор чёрной магии Воланд, – веско сказал визитёр, видя Степины затруднения, и рассказал всё по порядку. Вчера днём он *приехал* из-за границы в Москву, немедленно *явился* к Степе и *предложил* свои гастроли в Варьете. Стёпа *позвонил* в московскую областную зрелищную комиссию и вопрос этот *согласовал* (Стёпа побледнел и заморгал глазами), *подписал* с профессором Воландом контракт на семь выступлений (Стёпа открыл рот), *условился*, что Воланд придёт к нему для уточнения деталей в десять часов утра сегодня... Вот Воланд и пришёл! [М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)]

Остается неясным, было ли все это «на самом деле» (очевидно, не было), поскольку утвердительная иллюкутивная модальность принадлежит не автору, а Воланду.

Говоря о вторичных и первичных эгоцентриках, полезно иметь в виду англоязычную терминологию: вторичные-мягкие эгоцентрики – это *shiftable indexicals* или *shiftable egocentrals*; первичные эгоцентрики – это *pure indexicals* или *hard egocentrals*, ср. термин *жесткие деизигнаторы* в модальной логике. Сюда же примыкает термин *main clause phenomena* (см. [Hopper, Tompson 1980]): он применяется, в частности, к эгоцентрическим единицам, которые могут употребляться только в главном предложении, т.е. не допускают гипотаксической проекции.

Следует оговорить, что в ранних исследованиях по эгоцентрии, когда речь шла не об эгоцентрии в целом, а только о дейксисе, использовался термин **первичный дейксис** в значении ‘диалогический режим’ и **вторичный** – в значении ‘нарративный’. Ср. [Апресян 1986/1995]: «Различаются первичный и вторичный дейксис. Первичный дейксис – это дейксис диалога, дейксис нормальной ситуации общения. <...> Вторичный дейксис, называемый также нарративным, <...> не связан непосредственно с речевой ситуацией. Это дейксис пересказа, в том числе художественного повествования». Похожее использование терминов **первичный** и **вторичный дейксис** в [Успенский 2011]. Сейчас от этого словоупотребления лучше отказаться.

6 Исполнители роли говорящего: проекция

Дж. Лайонз [Lyons 1977: 579] формулирует несколько общих правил интерпретации эгоцентриков – а именно, правил, определяющих смену исполнителей роли говорящего в неканонических коммуникативных ситуациях и в нестандартных контекстах. Они называются правилами **проекции**. Примеры неканонических коммуникативных ситуаций.

Пример 1. Контекст междугороднего телефонного разговора – это коммуникативная ситуация, где нет единства места; *здесь* обозначает только место говорящего; возникают трудности с *там*: про место адресата говорящий не может сказать *там* – хотя допустимо *там у вас*, см. [Падучева 1996: 260].

Пример 2. В контексте письма у говорящего и адресата нет общего момента речи; *сейчас* обозначает только настоящее время пишущего.

Проекции примеров 1 и 2 называются действительными, поскольку они не выводят за пределы диалогического режима.

Пример 3. Объявление в публичном месте, типа «Здесь не курят», интерпретируется в неканонической коммуникативной ситуации с нерелевантным говорящим, см. п.1. Это тоже проекция.

Пример 4. В записке на двери учебного заведения «Мы находимся сейчас в аудитории 508» *сейчас* ориентировано не на момент речи, т.е. не на момент создания сообщения, а на момент его получения адресатом. И тут имеет место проекция.

Характерный сдвиг ориентации эгоцентрика происходит в вопросе. Это **вопросительная проекция** [Падучева 1996: 268]: эгоцентрик, который в утверждении ориентирован на говорящего, в вопросе ориентируется на адресата.

(56) а. Вкусно. = 'мне'; б. Вкусно? = 'тебе'

В контексте деонтической модальности обратное соотношение: в вопросе подразумеваемый субъект – говорящий, в ответе – адресат.

(57) – *Можно* <мне>? – *Можно* <тебе>.

Примеры **гипотаксической проекции**. Слово *главный* толкуется в АС как «такой, которого говорящий считает самым важным». Однако это слово допускает гипотаксическую проекцию, так что в (58) *главное* – это самое важное для Андрея, а не для говорящего:

(58) Андрей считает, что *главное* оружие – пропаганда трезвости. [Н. Аронов. Трезвые и злые (2014)]

Гипотаксической проекции поддается наречие *вдруг* – в примере (59) субъекта неожиданности надо искать в главном предложении:

(59) А *главное*, ты не бойся, что *вдруг* окажешься одна. [М. Шишкин. Письмовник (2009)]

Итак, когда мягкий эгоцентрик употребляется в канонической коммуникативной ситуации, исполнителем роли говорящего является говорящее лицо. Но то же слово может употребляться, не меняя значения, в неканоническом контексте (в неканонической коммуникативной ситуации, в гипотаксическом контексте, в нарративе и прочее). Тогда исполнитель роли говорящего определяется правилами проекции. Проекция (дейктическая, гипотаксическая, нарративная, вопросительная и другие) – это изменение ориентации (по сравнению с исходным правилом для канонической ситуации), в результате которого у коммуникативной роли говорящего, предполагаемой семантикой слова, исполнителем оказывается не говорящее лицо, а кто-то другой. (В [Goddard 1998: 206–211] подробно прослежены многочисленные проекции, которые используются при употреблении английского глагола *to come*; см. также [Падучева 2004: 383–377]).

По определению, гипотаксическая и нарративная проекция возможна для всех вторичных эгоцентриков: вторичный эгоцентрик – это и есть такой эгоцентрик, который поддается проекциям.

Многие толкования с участием говорящего в НОСС и в АС следовало бы снабдить комментарием о возможности проекций. Ср., например, в НОСС толкование синонимического ряда, включающего *хотя бы* и *хоть*.

(60) *хотя бы* Р = 'говорящий понимает, что иметь желаемое (Р) невозможно, и готов иметь меньшее Р, обладание которым более вероятно'.

Без комментария о возможности проекций это толкование кажется неадекватным. Так, в примерах (61а)–(61г) смысл *хотя бы*, *хоть* не требует обращения к говорящему:

(61) а. Маша хотела взглянуть на героя *хотя бы* издали.

б. Кэт решила поспать *хотя бы* полчаса.

в. Даша просит, чтобы ты ей *хотя бы* позвонил.

г. Шофер вел машину медленно, чтобы солдаты *хоть* немного отдохнули.

Заменяв в толковании «говорящий» на «человек X», мы получим толкование, которого вполне достаточно для примеров (61a)–(61г):

(62) *хотя бы* P = ‘человек X понимает, что иметь желаемое P' невозможно, и готов иметь меньшее P, обладание которым более вероятно’.

В этом толковании два компонента: желание X-а что-то иметь (в частности, это может быть желание, чтобы человек Y имел нечто или сделал что-то, нужное X-у), и готовность того же X-а иметь меньшее. Это толкование дает правильную интерпретацию примерам (61a)–(61г): человеком X – «субъектом уступительности» – является лицо, обозначенное подлежащим матричного предложения (Маша, Кэт, Даша, шофер).

В (63) человеком X является тот говорящий, который является подразумеваемым субъектом матричного предложения – со сказуемым-предикативом *хорошо*; говорящего, который порождался бы семантикой *хоть*, мы по-прежнему не видим:

(63) Хорошо, что Маша *хоть* раз в год приезжает в Москву = ‘говорящий понимает, что не может иметь желаемое им P' (чтобы Маша приезжала часто), и готов иметь меньшее P, обладание которым более вероятно (чтобы Маша приезжала раз в год)’

Этот говорящий готов довольствоваться тем, что есть, понимая, что не может рассчитывать на большее. Про Машу мы ничего не знаем. Возможно, Маша вовсе не довольна тем, что приезжает так редко. А может быть и так, что Маша не считает более частые приезды в Москву желательными.

В чем же дело с примерами (61a)–(61г)? А дело в том, что *хотя бы* и *хоть* употребляются в этих примерах в гипотаксическом контексте, где имеет место гипотаксическая проекция и говорящего законным образом заменяет субъект главного предложения. См. пример (64), где проекция и делегирование уступительности вышестоящему субъекту, более наглядны:

(64) Петя рад, что Маша *хоть* раз в год приезжает в Москву.

Вопрос о том, могут ли *хотя бы* и *хоть* употребляться вне гипотаксического контекста (или контекста снятой утвердительности, например, вопроса или императива) остается открытым. В любом случае, говорящий в толковании *хотя бы* и *хоть* присутствует, но говорящее лицо выполняет роль субъекта уступительности разве что в маргинальных случаях.

Этот пример показывает, какую важную роль играет гипотаксическая проекция: без проекции непонятно, почему в толковании *хотя бы*, *хоть* в контекстах (61a)–(61г) исчез говорящий.

Ср. также пример (65). Здесь в интерпретации предложения принимают участие два субъекта сознания – подразумеваемый субъект безличного предикатива *хорошо* (говорящий) и Маша в контексте *хоть* и интенционального *удается*:

(65) Хорошо, что Маше удается *хоть* раз в год приезжать в Москву.

Фраза (65) получает нормальную интерпретацию, поскольку два сознания имеют согласованную точку зрения – говорящий (субъект предикатива *хорошо*) эмпатизирует эксплицитному субъекту (*Маша*). А иначе возникла бы аномалия, ср.:

(66) *Жаль, что Маше *хоть* раз в год удается приезжать в Москву.

Так что в предложениях с *хотя бы* и *хоть* могут фигурировать и два разных субъекта сознания, но их мнения не должны противоречить одно другому.

7 Семантические роли говорящего

Имплицитный говорящий (как коммуникативная роль, см. [п.2](#)) может иметь в семантике эгоцентрических единиц разные семантические роли (см. [Падучева 1996: 262]).

7.1 Говорящий как субъект речи

Говорящий как субъект речи обнаруживает себя в семантике речевых актов. Пример (67) иллюстрирует так называемый парадокс Мура (см. о парадоксе Мура [Wittgenstein 1953/2009]):

(67) а. Она красива, но *Джон* так не считает.

б. *Она красива, но *я* так не считаю.

Предложение (67б) аномально, хотя (67а) звучит вполне естественно. Почему? Дело в том, что говорящий должен считать, что то, что он говорит, имеет место: когда говорящий утверждает нечто, он берет на себя **эпистемическое обязательство**, т. е. ответственность за истинность утверждаемой пропозиции.

Говорящий в роли субъекта речи входит в семантику речевого акта вопроса (или, иначе говоря, в семантику иллокутивной модальности вопроса, см. Модальность / п.3.4). А именно, в речевом акте вопроса говорящий является субъектом следующих пропозициональных установок: ‘говорящий не знает ответа’; ‘говорящий предполагает, что адресат знает ответ’; ‘говорящий хочет знать ответ’.

Отсюда следует, что вопрос предъявляет определенные условия к каноничности коммуникативной ситуации: необходимо, чтобы в коммуникативной ситуации был не только говорящий, но и адресат. Поэтому полномочия субъекта речи в вопросе не могут быть переданы другому лицу с такой же легкостью, как полномочия субъекта восприятия или сознания (см. п.7.2, п.7.3). Так, в контексте косвенного вопроса вопросительное местоимение становится относительным, т.е. имеет другое значение. В самом деле, в косвенном вопросе может пропадать участник Адресат:

(68) а. *Кто* в Швейцарии президент?

б. Большинство населения Швейцарии не знает, *кто* в стране президент.

Роль говорящего с особой силой обнаруживается в семантике косвенных речевых актов (см. Речевые акты). Это демонстрирует пример (69):

(69) Зачем ты открыл форточку?

Высказывание (69) выражает упрек; при этом именно говорящий является субъектом отрицательной оценки, входящей в семантику речевого акта упрека. Аналогичным образом, говорящий со всеми его предположениями, сожалениями, пожеланиями и проч. «маячит на задворках» высказывания с любой иллокутивной функцией – особенно если это не просто утверждение. Семантика утверждения, впрочем, тоже подразумевает говорящего – как субъекта эпистемического обязательства.

Обратимся теперь к словам. Говорящий выступает в роли субъекта речи в семантике вводных слов и выражений, имеющих метатекстовое значение (некоторые из них предполагают и слушающего); например, *честно говоря*, *кстати*, *признаться сказать*, *между нами говоря*, *почем знать*, *например*. Они уместны в речевом дискурсе (а также в нарративе 1-го лица или в речи повествователя), а в гипотаксическом контексте невозможны:

(70) а. *Честно говоря*, этот нож не годится;

б. *Иван считает, что, *честно говоря*, этот нож не годится.

Интересно, что близкий вводный оборот *откровенно говоря* встречается в нарративе 3-го лица, и подразумеваемый субъект – это персонаж, который как бы выразил свое мнение во внутренней речи:

(71) Сергей Сергеевич нахмурился. *Откровенно говоря*, высказанное женой опасение его самого беспокоило (В. Войнович. *Иванькиада*, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру)

Возможны в гипотаксическом контексте выражения *мягко говоря*, *грубо говоря*, *попросту говоря*:

(72) Вот он и решил, что, *грубо говоря*, за выбитый зуб обидчик отвечает только одним выбитым зубом [С. Каледин. *Записки грубокопателя* (1987–1999)]

- (73) Я выглянул в окно и, не обнаружив ни одного ядерного гриба, понял, что, *мягко говоря*, недомогаю. [И. Охлобыстин. Сны и сновидения (1997)]
- (74) Мне кажется, что, *попросту говоря*, капитализм изначально всегда сосуществует с другими экономическими моделями: [«Неприкосновенный запас» (2009)]
В контексте глагола речи возможно и *честно говоря*:
- (75) Поздоровавшись, я спросил, понравился ли ему фильм. Он ответил, что, *честно говоря*, не очень [О. Трояновский. Через годы и расстояния (1997)]
Однако *честное слово* в гипотаксической позиции в (76) – это цитата (см. подробнее о цитировании в [Wierzbicka 1970/1982]; [Падучева 1996: 354]:
- (76) Когда он надолго расстается с ними, уезжая куда-нибудь в Шанхай, говорит, что, *честное слово*, скучает [«Домовой» (2002)]

7.2 Говорящий как субъект восприятия

Рассказ Беккета «Общение» в русском переводе начинается фразой (пример из [Падучева 1996: 264]):

- (77) До кого-то в темноте *доносится* голос.
Эта фраза – намеренная аномалия: у состояния восприятия (а глагол *доноситься* выражает восприятие звука) плохие внешние проявления, так что обычно глагол *доноситься* употребляется в применении к восприятию говорящего (эксплицитного, как в (78), или подразумеваемого, как в (79)), а не к восприятию 3-го лица.
- (78) Из глубин нашей звездной системы *до меня доносятся* голоса. [Г. Алексеев. Зеленые берега (1983-1984)]
- (79) Где-то в отдаленнейших областях галактики звонит телефон. Затем оттуда *доносится* голос моей матушки. [Г. Алексеев. Зеленые берега (1983-1984)]
О словах, подразумевающих говорящего в роли субъекта восприятия, подробно говорится в [п. 8](#) – в связи с фигурой наблюдателя.
В ситуации восприятия фиксировано место наблюдателя [Wierzbicka 1980: 107]: наблюдает всегда кто-то откуда-то. В этом отличие предикатов восприятия от ментальных, т.е. от предикатов знание / мнение (см. [п. 7.3](#)), которые не предполагают определенного местоположения субъекта.

7.3 Говорящий как субъект сознания

Говорящий является в контексте канонической коммуникативной ситуации подразумеваемым субъектом сознания, т. е. знания (и неопределенности как незнания) и мнения, модальности, эмоционального или волитивного состояния, оценки (субъекта оценки предполагают, например, глаголы *кривляться*, *ломаться*, *умудриться*) [Падучева 1985/2009: 141], ощущения сходства и подобия, ожидания и неожиданности [Падучева 1996: 281], интерпретации [Апресян 2004], номинации [Успенский 1970/2000] и прочее. Так, номинация – это сопоставление объекту действительности того или иного **концепта** [Падучева 2004: 155], а концептуализация – это акт сознания.

Говорящий как субъект сознания обнаруживает себя в контексте слов и синтаксических конструкций, где субъект состояния подразумевается семантикой предиката, но не выражен или даже не может быть выражен в тексте высказывания. Такое состояние обычно интерпретируется как состояние говорящего.

Это могут быть [безличные предикативы](#), в том числе – модальные, см. (80)–(81); [вводные слова](#), см. (82)–(84); и другие конструкции.

- (80) Мать, умирая, так и сказала: «*Жалко, что ты не стал священником*».
[А. Солженицын. В круге первом (1968)]
- (81) *Похоже, что* он знал весомость своего слова. [Д. Гранин. Зубр (1987)]

- (82) Да, теперь мне кажется, что он был как-то сверх меры возбуждён, но, *возможно*, я придумал это под влиянием обстоятельств. [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)]
- (83) Посмотрите, у нас триллионы, *кажется*, на военные расходы... [М. Горбачев, А. Архангельский. «Надо изменить атмосферу» (2015)]
- (84) – Как умер? Когда? – Вот этого не могу вам сказать точно. Нас с мамой, к *сожалению*, не было в Москве. [И. Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)]
- (85) *Дай Бог, чтобы* она осталась жива. [Ю. Буйда. Город палачей (2003)]
- (86) Занятие наукой скорее *напоминает* мне болезнь вроде наркомании или алкоголизма. [Д. Гранин. Зубр (1987)]

Характерный пример подразумеваемого субъекта сознания можно построить на базе глагола *составить* (см. обсуждение этого глагола в [Раппапорт 1998]). Как известно, совершенный вид имеет событийное значение: самый общий вид события – это изменение состояния. В примере (87а) это изменение состояния реального мира. Между тем в примере (87б) это изменение состояния сознания имплицитного говорящего:

- (87) а. Инфляция *составила* 7% = ‘инфляция не была равна 7%, сейчас равна’
 б. Словарь Шекспира *составил* 12000 слов = ‘раньше не знали объема словаря Шекспира, теперь известно, что это 12000 слов’

Единственное событие, которое в этом контексте может обозначать глагол СВ *составил*, – это событие в сознании говорящего.

Отметим, что в видовой паре *составлять* – *составить* такое же семантическое соотношение, как в паре *вмещать* – *вместить*, описанной в [Гловинская 1982]: глагол НСВ *вмещать* выражает объем (например, сосуда); а СВ *вместить* – получение субъектом сознания знания об объеме.

Ментальные предикаты, в отличие от перцептивных, не предполагают у своего субъекта определенной локализации в пространстве. Кроме того, у ментального предиката субъект и объект могут совпадать, а для перцептивного это не так: человек не может быть объектом наблюдения самого себя со стороны; отсюда **тест на местоимение 1-го лица**, о котором идет речь в [п.8.2](#).

7.4 Говорящий в семантике дейксиса

В семантике слов со значением речи, восприятия, сознания говорящий представлен как субъект соответствующих предикатов, т.е. как один из участников описываемой словом ситуации. Иными словами, в толкование значения этих языковых единиц входит предикат (речи, сознания, восприятия или близкий к ним), у которого говорящий является субъектом.

Между тем формулировка «говорящий как субъект дейксиса» [Падучева 1996: 262] незаконна: дейксис не предполагает никакого предиката, у которого говорящий мог бы быть субъектом. В отличие от речи, восприятия, сознания, дейксис не имеет субъекта – есть пространственная и временная локализация говорящего как точка отсчета при указании места / времени другого объекта или события. Говорящий (точнее, его место или время, переживаемый временной момент) выступает как ориентир при отсчете места или времени.

В самом деле, в семантику целого ряда слов входит говорящий, который фиксирует точку пространства, служащую ориентиром для отсчета места (это, например, слова *здесь*, *там*), или временной момент, служащий ориентиром для отсчета времени (это, например, слова *сейчас*, *вчера*). Кроме того, момент, служащий ориентиром, входит в семантику грамматического времени и вида.

В [п.3](#) шла речь о неоднозначном понимании слова *сейчас*, зависящем от режима интерпретации. Аналогичную неоднозначность демонстрирует слово *здесь*. А именно, *здесь* допускает, наряду с дейктическим, также и анафорическое употребление. Пример.

- (88) а. Иван приехал в Москву. Он остановился *здесь* – указательный жест, дейксис.

б. Иван дошел до *подъезда*. *Здесь* он остановился – анафора.

В (88а) *здесь* – значит в месте, где находится говорящий, скорее всего – какая-то конкретная квартира в Москве. В (88б) *здесь* указывает место через анафору (*здесь* = у подъезда).

В диалогическом режиме *здесь* и *сейчас* позволяют идентифицировать абсолютное время и место действия через отношение высказывания к месту и моменту речи. Употребляясь в нарративе, *сейчас* и *здесь* не идентифицируют времени как точки на временной оси и места как точки пространства в реальном мире. Говорящий в нарративе 1-го лица, как и персонаж в третьеличном, не позволяют осуществить идентификацию временного момента, поскольку ситуация неканоническая: нет того единовременного речевого действия, в котором читатель был бы синхронным адресатом говорящего. Однако при переходе от диалогического режима к нарративу меняется только ориентир: с конкретного на переменный. Значение слов *здесь* и *сейчас* остается неизменным.

В гипотаксическом контексте некоторые дейктические слова ведут себя иначе, чем слова с говорящим в роли субъекта восприятия и сознания (см. [п.7.2](#), [п.7.3](#)). Возьмем слово *сегодня*:

(89) Иван мне вчера сказал, что он *сегодня* занят.

Несмотря на гипотаксический контекст, *сегодня* в (89) ориентируется на говорящее лицо, а не на субъект матричного предиката. Скорее всего, в реальной ситуации было так: Иван вчера сказал: «Я завтра буду занят», а говорящий сегодня перевел это на свой язык – интерпретация *de re*. Ничего похожего на поведение слов, у которых говорящий выступает в роли субъекта восприятия или сознания и которые поддаются гипотаксической проекции. Понять предложение (89) так, чтобы *сегодня* значило ‘вчера’, практически невозможно – *сегодня* ориентировано на настоящее время говорящего и сохраняет эту ориентацию в гипотаксическом контексте. Иначе говоря, *сегодня* – первичный эгоцентрик.

8 Наблюдатель

8.1 Определение наблюдателя

В 80-е годы прошлого века в работах Ю. Д. Апресяна возникает понятие **наблюдатель**. Термин наблюдатель используется в лингвистической литературе непоследовательно. Ниже предлагается определение, которое дает возможность сопоставить разные трактовки.

Прототипический наблюдатель – это говорящий (имплицитный), который удовлетворяет условиям 1–3. Разные трактовки – это разные решения, принимаемые в случае несоблюдения каких-то условий, т.е. в случае непрототипических наблюдателей.

Условие 1. Наблюдатель поддается гипотаксической и нарративной проекции – т.е. является вторичным (мягким) эгоцентриком.

Условие 2. Наблюдатель выполняет (в толковании слова или другой языковой единицы – грамматической категории, конструкции) роль субъекта восприятия – объектом которого является один из участников ситуации, обычно – денотат подлежащего.

Условие 3. Наблюдатель не выразим синтаксически, т.е. не является подлежащим, прямым дополнением или каким-то иным синтаксическим актантом глагола.

Прототипический наблюдатель (удовлетворяющий всем трем условиям) – у глагола *показаться*, см. [Апресян 1986/1995] и подробно в [п.8.2](#).

Наблюдатель в толковании слова – это, как и говорящий, коммуникативная роль (см. [п.2](#)); в канонической коммуникативной ситуации наблюдателем является говорящее лицо, а в неканонических имеют место проекции (см. [п.6](#)). Но кроме того, это и семантическая роль. У говорящего никакой определенной семантической роли нет, см.

примеры (1)–(6) [п.1](#) и обзор семантических ролей говорящего в [п.7](#). Между тем прототипический наблюдатель – это субъект восприятия, см. условие 2.

Разные эгоцентрики, в семантике которых выявляется наблюдатель, в разной степени удовлетворяют условиям 1–3. Единственным обязательным является условие 1: наблюдатель – это вторичный эгоцентрический субъект, а условия 2 и 3 могут выполняться не полностью или с оговорками.

Так, синтаксическая невыразимость наблюдателя, см. условие 3, на самом деле не обязательна, см., например, слово *вдали* в [п.8.4](#): возможно абсолютное *вдали* и *вдали от*, где субъект восприятия выражен синтаксически. Соблюдение условия 2, о том, что наблюдатель должен иметь роль субъекта восприятия, не обязательно, но желательно. Обычно если не выполняется условие 2, то в пользу наблюдателя свидетельствуют какие-то дополнительные соображения, см. [п.8.6](#) о *вдруг* и [п.8.9](#) о грамматическом виде.

Отдельно в [п.8.11](#) будет рассмотрен «сторонний» наблюдатель, который не является имплицитным говорящим, т.е. такой, для которого не выполняется условие ноль.

Ниже рассматриваются примеры эгоцентриков, в семантику которых входит наблюдатель.

8.2 Наблюдатель как в глаголе показаться

Рассмотрим пример с глаголом *показаться* из [Апресян 1986/1995: 643]. Фраза (90) описывает ситуацию, в которой кроме дороги и всадника присутствует некое синтаксически не выраженное лицо – наблюдатель события:

(90) На дороге *показался* всадник.

Естественно предположить, что это лицо – подразумеваемый говорящий, поскольку

(90) понимается, прежде всего, в значении ‘всадник *показался* в моем поле зрения’. Это предположение подтверждается аномальностью фразы (91):

(91) *На дороге *показался* я.

В самом деле, человек не может оказаться вдруг в поле зрения самого себя, притом на расстоянии от самого себя. Отсюда аномалия.

Аномалия возникает, однако, только в диалогическом режиме и в автономном контексте, т. е. в канонической коммуникативной ситуации. А если взять нарратив или гипотаксис, то подлежащее в 1-м лице при *показаться* (обозначающее объект восприятия) будет нормальным, поскольку подразумеваемый субъект восприятия – это уже не говорящий, а другое лицо; имеет место проекция:

(92) а. Иван шел к морю. В какой-то момент на дороге *показался* я, и Иван понял, что ему не уйти от разговора – нарратив;

б. Иван говорит, что в этот момент на дороге *показался* я – гипотаксис.

Подразумеваемый говорящий в семантике *показаться* удовлетворяет всем трем признакам прототипического наблюдателя – он поддается гипотаксической и нарративной проекции (условие 1); имеет семантическую роль субъекта восприятия (условие 2); и не выразим синтаксически (условие 3).

Пример из Корпуса с глаголом *показаться* и гипотаксической проекцией:

(93) Фон Корен уж е помирился с мыслью, что ему сегодня не уехать, и сел играть с Самойленком в шахматы; но когда стемнело, денщик доложил, что на море *показались* огни и что видели ракету (А. Чехов. Дуэль (1891))

Ясно, что огни *показались* именно в поле зрения денщика, потому что про ракету, которую денщик сам не видел, он говорит иначе. Так что в (93), в гипотаксическом контексте, в роли наблюдателя – субъекта восприятия – выступает не говорящий, а денщик, субъект матричного предложения.

Это общее правило; исключения всегда имеют частные объяснения. Например, в (94) роль наблюдателя не может выполнять матричный субъект, поскольку из контекста следует, что он сам не видел корабля:

(94) Иван понял, что справа *показался* корабль, потому что все бросились к правому борту.

Возможна также вопросительная проекция. Так, в (95б) субъектом наблюдения оказывается не говорящий, а слушающий:

(95) а. – На дороге *показался* всадник – в моем поле зрения;

б. – Ну что, корабль не *показался*? – в твоём поле зрения.

Смена ориентации семантически предсказуема: ясно, что вопрос про свое поле зрения (как и, например, про свое вкусовое ощущение) был бы бессмысленным.

В нарративе роль наблюдателя исполняет персонаж, так или иначе выделенный в эпизоде. Так, в (96) наблюдатель, т.е. подразумеваемый (глаголом *показаться*) субъект восприятия, Нинка; в (97) – *все*:

(96) Тут Нинка отскочила к забору, потому что на дороге *показалась* Красавка (В.Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975))

(97) Все жаждали еще раз посмотреть на Полуянова, но он так и не *показался*. [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)]

ПРИМЕЧАНИЕ. В примере (98) *не показался к нам* = ‘не появился в нашем поле зрения’; наблюдатель синтаксически выражен; но это другое значение слова *показаться*:

(98) Жандарм к нам так и не *показался*. [И. Е. Репин. Далекое близкое (1912-1917)]

Итак, слово *показаться* является вторичным эгоцентриком, т.е. подвергается всем возможным проекциям и возможно во всех режимах. Дело в том, что не все эгоцентрические слова реализуют всю полноту функций говорящего. Глагол *показаться* не апеллирует ко всем аспектам канонической коммуникативной ситуации. Поэтому *показаться* употребляется не только в речевом дискурсе, но и в нарративе, где роль наблюдателя может выполнять персонаж или повествователь. Значение *показаться* в речевом дискурсе и в нарративе одно и то же. Разнятся только исполнители роли говорящего-наблюдателя: в диалогическом режиме это говорящее лицо, в нарративе – повествователь или салиентный персонаж.

Принципиальный характер имеет пример (90) (из [Апресян 1986/1995: 643]); он демонстрирует **ограничение на местоимение 1-го лица** – тест который позволяет выявить наблюдателя во всех случаях, когда наблюдатель удовлетворяет условию 2, т.е. является субъектом восприятия: невозможны *я исчез из виду*, *я маячил*, *я виднелся* и т.д. – иначе как в проективных контекстах.

Ниже перечислены глаголы, похожие на *показаться*, – в том смысле, что они тоже предполагают синтаксически не выразимого субъекта восприятия. В основном это глаголы с семантическим компонентом восприятие на *-ся*; производная диатеза лишает субъект восприятия синтаксического актанта [Падучева 2004: 211]: *выделиться* (в значении ‘из массы подобных’), *выискаться*, *выразиться*, *выявиться*, *задеваться*, *запропасться*, *запечатлеться*, *заслониться*, *затеряться*, *найтись*, *обнажиться*, *обнаружиться*, *обозначиться*, *потеряться*, *проясниться*, *разыскаться*, *скрыться* <из виду>, *проглядываться*, *просматриваться*, *улавливаться*, *усматриваться*.

Наблюдатель в этих глаголах возникает как результат сдвига диатезы. Мена диатезы – это мена **коммуникативного ранга** участника [Падучева 2004: 58]. Различается три коммуникативных ранга: **Центр** (участник занимает синтаксическую позицию подлежащего или дополнения), **Периферия** (прочие синтаксические позиции), **За кадром**. В примерах (99б), (99в) наблюдатель предстает как Эксперимент в ранге За кадром (эгоцентрический участник не занимает никакой синтаксической позиции).

(99) а. Охотник *обнаружил* на опушке следы медведя – Эксперимент в ранге Центр

б. На опушке *обнаружились* следы медведя – Наблюдатель-Эксперимент в ранге За кадром

в. Берлиоз *обнаружил* необыкновенную эрудицию – Наблюдатель-Эксперимент в ранге За кадром

Похожи на *показаться* другие глаголы появления в поле зрения и выхода из нее – *появиться, возникнуть, исчезнуть, пропасть, оказаться; раздаваться, доноситься*.

Богатый материал, касающийся наблюдателя, можно почерпнуть в АС. Посмотрим на слове *виднеться*, насколько проходит на нем определение, согласно которому наблюдатель – это говорящий, который поддается проекциям, играет роль субъекта восприятия и не выражен синтаксически.

В толковании *виднеться* в АС участник наблюдатель упоминается дважды.

А1 ВИДНЕЕТСЯ в А2 = ‘объект А1, находящийся на относительно большом расстоянии от наблюдателя, в месте А2, не очень отчетливо или частично виден наблюдателю’.

Один раз наблюдатель – это участник ситуации, который выполняет роль субъекта восприятия (‘наблюдатель не очень отчетливо или частично видит объект А1’), но не выражен синтаксически. А второй раз это фактически не наблюдатель, а место наблюдателя-говорящего: объект А1 находится на большом расстоянии «отсюда», см. [п.7.4](#).

Глагол *виднеться* употребляется, в основном, в нарративе. В отрывке (100) налицо особый прием – неясно, кто выполняет роль субъекта восприятия, предполагаемую семантикой почти всех глаголов отрывка. Высокая степень эгоцентричности отрывка подчеркивается последней фразой, в которой слово *сегодня* в исходном, не переносном, употреблении – первичный эгоцентрик:

(100) Цветущие олеандры бросают негустую тень на столики открытого кафе. Сквозь их жидковатые кусты с моря задувает спасительный ветерок. От истомлённых розовых цветов потягивает сладковатый гнилостный запах. Сквозь ветви олеандров *виднеется* море и лодочный причал. Вдоль берега время от времени медленно проходят лодки рыбаков-любителей. ... Сегодня суббота. [Ф. Искандер. Летним днем (1969)]

Ср. также начало рассказа А. П. Чехова «Учитель словесности» (1889). В обоих отрывках использован один и тот же прием – *suspense* наблюдателя, т.е. отсутствие лица, которое могло бы играть эту роль.

(101) *Послышался* стук лошадиных копыт о бревенчатый пол; вывели из конюшни сначала вороного Графа Нулина, потом белого Великана, потом сестру его Майку. Всё это были *превосходные* и дорогие лошади.

Глагол *виднеться* допускает проекции (условие 1) и не позволяет выразить субъект восприятия (условие 3), так что является безусловным вторичным эгоцентриком. В примере (102) гипотаксическая проекция – в роли наблюдателя выступает не говорящий, а мастер:

(102) Он <мастер> стал присматриваться к Азazelло и убедился в том, что в глазах у того *виднеется* что-то принуждённое, какая-то мысль, которую тот до поры до времени не выкладывает. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)]

Подразумеваемый субъект *виднеться* удовлетворяет всем трем условиям в определении прототипического наблюдателя.

8.3 Наблюдатель как в глаголе *белеть*

В статье [Булыгина 1982: 15] у глаголов типа *белеть, чернеть* усматривался «эффект соприсутствия» говорящего. Работа [Апресян 1986/1995] позволила уточнить, что это такой говорящий, который должен быть признан наблюдателем. NB наречие *отчетливо* в примере (103), которое характеризует именно компонент восприятие в семантическом разложении (*semantic decomposition*) глагола *чернеть*.

(103) Было около восьми часов вечера. За домами башня собора *отчетливо чернела* на червонной полосе зари. (В. В. Набоков. Возвращение Чорба)

Семантика восприятия у глаголов типа *белеть*, *чернеть* отмечается в толковых словарях, начиная со словаря Ушакова (правда, непоследовательно). Так, в МАС *белеть* = 'виднеться (о чем-то белом)'

Аналогично глаголу *белеть* ведут себя другие глаголы с «врожденным наблюдателем» [Падучева 2004: 210–214]:

– глаголы перемещения сквозь преграду (обычно в производных значениях): *высунуться*, *протупить*, *выступить*, *выглянуть*, *проглядывать*;

– глаголы с наблюдателем, мимо которого проходит траектория движущегося предмета: *скользить*, *проскользнуть*, *промелькнуть*, *мелькать*;

– глаголы пространственного расположения, ориентированного на наблюдателя: *развернуться*, *раскинуться*, *расстилаться*, *торчать*, *выситься*, *маячить* (ср. англ. *to lurk*, описанное в [Fillmore 1968]); Ср. также *реять*, *развеваться*, упомянутые в [Булыгина 1982: 29].

– глаголы эмиссии запаха, звука, света: *пахнуть*, *вонять*, *звучать*, *светиться*, *блестеть*, *мерцать*, глаголы **проявления** в терминологии Ю. Д. Апресяна.

В Русском семантическом словаре ([Шведова 2007]) глагол *белеть* в рассмотренном значении отнесен к классу бытийных, к подклассу «бытие самовыявляющееся и непосредственно воспринимаемое». Ясно, что в семантике всех таких глаголов присутствует наблюдатель. Помимо собственно бытийных (*белеть*), в словаре представлены глаголы возникновения бытия (*забелеть*) и конца бытия (*отбелеть*). Всего таких глаголов несколько сотен. Особенно многочислен класс бытийных глаголов (точнее, бытийных употреблений глаголов) с семантикой слухового восприятия, т.е. глаголов звука. В самом деле, в контексте, где субъектом является звук или событие, сопровождаемое звуком, значение процесса издавания звука закономерно преобразуется в бытийное [Падучева 2004: 405], ср. *звенеть ключами* и *Звенела музыка в саду*, *гремять кружками* и *Прогремел выстрел*. При этом в семантике глагола усиливается позиция наблюдателя.

8.4 Наблюдатель как у вдалеке, вдали

Наблюдатель признается в АС у слов *вдалеке*, *вдали*. У этих слов не соблюдается условие 3 о синтаксической невыразимости наблюдателя: возможно не только *вдали*, но и *вдали от*; не только *вдалеке*, но и *вдалеке от*. Тем не менее, про *вдалеке*, *вдали* естественно считать, что они имеют подразумеваемого наблюдателя, поскольку тяготеют к контексту слов с семантикой непосредственного восприятия (условие 2).

Слово *вдали* встречается в основном в сочетании с предикатами восприятия – *слышен*, *виднеться*, *показаться*, *увидеть*; или с такими, семантика которых включает компонент восприятие (*чернеть*, *розоветь*, *мерещиться*, *маячить*, *мигать*, *мелькать*); или со словами, обозначающими ситуацию, которая должна восприниматься органами чувств – слухом или зрением (*кричать*, *громыхать*):

(104) *Вдали*, чуть смягченные дрожащей дымкой, мигали и роились огни Лихаревки. [И. Грекова. На испытаниях (1967)]

(105) Мычала на деревне корова и громыхал *вдали* весёлый паровозик. [А. Варламов. Купавна (2000)]

(106) Кто-то кричал *вдали*: "Ва-ля!" [Ю. Трифонов. Предварительные итоги (1970)]

(107) Слышно, как *вдали* стучат топором по дереву [А. П. Чехов. Вишневый сад (1904)]

(108) С рёвом проносятся <автобусы> где-то *вдали* за лесом [В. Аксенов. Звездный билет (1961)]

Контексты, где сказуемое не имеет перцептивного компонента, крайне редки и обычно окрашены восприятием как-то иначе, ср. *почернело* в (109), *на фоне* в (110), *прозрачный* в (111):

(109) Небо почернело и сомкнулось *вдали* с океаном. [А. Дорофеев. Эле-Фантик (2003)]

(110) Русский корабль прибыл в китайский порт и стоял *вдали*, на фоне ярко-синих и кое-где зелёных волн. [Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)]

(111) ...солнце зашло, *вдали* над болотом поднимался лёгкий прозрачный туман. [В. Быков. Болото (2001)]

В контексте, где пространственный ориентир выражен синтаксически (*вдали от*), он может трактоваться не только как место говорящего, см. (112), (113), но и как место контрагента, см. (114), (115).

(112) *Вдали от дома* она <лошадь> совсем дичала. [Ф. Искандер. Лошадь дяди Кязыма (1966)]

(113) Дни стояли солнечные, жаркие, и вся наша группа загорала возле озера. Сюда же приходили и обитатели соседнего лагеря. <...> *Вдали от берега* плавали лёгкие, снежные островки. [Ф. Искандер. Случай в горах (1980-1990)]

(114) Иногда мне казалось, что я не должна жить *вдали от тебя*, слишком я тебя любила, думала, что любовь даёт мне право быть с тобой на старости. [В. Гроссман. Жизнь и судьба (1960)]

(115) Теперь, в период долгого бездействия, *вдали от противника*, люди пообленились. [Э. Г. Казакевич. Звезда (1946)]

Тем не менее, *я вдали* встречается неизмеримо реже, чем *вдали от меня*, т.е. *я вдали* обычно пространственный ориентир, а не наблюдаемый объект.

Итак, наличие наблюдателя у слов типа *вдали* небесспорно и требует специальных оговорок. Тем не менее, признавая в семантике *вдали* наблюдателя, мы можем объяснить такие употребления, как (104)–(108).

8.5 Есть ли наблюдатель у слова близко?

У слова *близко* (вне контекста предлога *от*) пространственным ориентиром (точкой отсчета) для локализации объекта является местоположение говорящего. Ориентир поддается гипотаксической и нарративной проекции (условие 1 в определении наблюдателя). Так, во фразе (116) в каноническом диалогическом контексте расстояние до местожительства Ивана отсчитывается от местоположения говорящего; *близко* = ‘близко от меня’:

(116) Иван живет *близко*.

То, что *близко* – вторичный эгоцентрик, показывает пример (117) – возможна проекция; здесь *близко* значит ‘близко от Федора’, а не от говорящего:

(117) Федор хочет, чтобы Иван жил *близко*.

Однако говорящий в семантике *близко* в (116) не является субъектом никакой пропозициональной установки: он не наблюдает ситуацию (место жительства Ивана) и едва ли «созерцает ее мысленно» (ср. [Апресян 2009: 515]). Важно только место, занимаемое говорящим, – оно служит ориентиром. Так что признак 2 определения наблюдателя на *близко* не соблюдается.

Пространственный ориентир может быть выражен синтаксически, так что признак 3 тоже не соблюдается:

(118) Ваня живет *близко от Института*.

Кроме того, у *близко* есть симметричная диатеза, см. пример (119); так что нет асимметрии, которая характерна для адвербиалов с подлинно эгоцентрическим значением, таких как *вдалеке*, *вдали*, [п.8.4](#) (см. [Апресян 1986/1995]: «наречия *вдалеке* и *вдали* с нереализованной второй валентностью обозначают явным образом несимметричное отношение между двумя пространственными точками»):

(119) Ваня и Петя живут *близко друг от друга*.

ПРИМЕЧАНИЕ. Впрочем, для *вдалеке* и *вдали* симметричная диатеза хотя и нехарактерна, но тоже возможна:

(120) Когда Петр Петрович возвратился, начался тот особенный период взаимного узнавания, какой обычен для близких людей, насильственно разлученных и долго живших *вдалеке друг от друга*. [К. А. Федин. Первые радости (1943-1945)]

Корпус дает три примера на *вдалеке друг от друга* и девять на *вдали друг от друга*.

Тест на местоимение 1-го лица на *близко* не работает: *Я живу близко* понимается как эллиптическое (например, как ‘близко отсюда, т.е. от того места, где находятся говорящий и адресат на момент этого высказывания’ или *близко* от ранее упомянутого места), а не как аномальное **Я живу близко от себя*.

Итак, *близко* в абсолютном употреблении фиксирует пространственную точку отсчета как местоположение говорящего, но не наблюдателя, такого как в семантике *показаться* или *вдали, вдалеке*. Разница между *близко* и *вдали* не вполне отчетлива, но она есть: для *близко* не соблюдаются ограничения на класс глаголов, отмеченные для *вдали*; так, *Я живу близко* возможно, а *Я живу вдали* – нет; ср. *находится близко* и **находится вдали*.

Так же, как *близко*, ведет себя и антонимичное ему наречие *далеко*.

8.6 Наблюдатель у вдруг, неожиданно

Наречие *вдруг* выражает неожиданность (ср. описание семантики *вдруг* в [Булыгина, Шмелев 1998] и в [Левонтина 2004]). В канонической коммуникативной ситуации субъектом неожиданности у *вдруг* является говорящий, см. пример (6) из п.2: *вдруг замолчал* = ‘замолчал неожиданно для говорящего’. Это дает основание считать *вдруг* эгоцентриком.

Как легко видеть, *вдруг* поддается проекции, см. пример (121), так что удовлетворяет условию 1 в определении наблюдателя.

(121) Мать пишет, что когда отцу прочли наше письмо, он *вдруг* рассердился = ‘неожиданно для матери’

Что касается семантической роли говорящего в семантике *вдруг* (условие 2 в определении наблюдателя), то она неоднозначна, но на первый взгляд говорящий является субъектом ментального состояния – ожидания. Можно думать, однако, что *вдруг* навязывает глаголу перцептивное приращение. Так, в (122) *вдруг* выражает не только неожиданность, но и неожиданное восприятие.

(122) Мы сидели на кухне. *Вдруг* дверь распахнулась.

Нетривиальный результат дает проверка условия 3. Если *вдруг* употребляется в контексте глагола, обозначающего восприятие (*услышал*) или внутреннее состояние (*ощутил, подумал, понял, вспомнил, захотел*), то субъект неожиданности выражен синтаксически – это лицо, обозначаемое подлежащим глагола; *вдруг* = ‘неожиданно для себя’, см. [Падучева 2011б]:

(123) И тут он *вдруг* понял, что совершенно зря позвал Клару. [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)]

То же при глаголах

(124) *Я вдруг* ощутил / подумал / вспомнил / захотел.

Между тем при других глаголах денотат подлежащего не может быть субъектом неожиданности – им является имплицитный наблюдатель:

(125) Он *вдруг* поднял голову / вскочил / спросил.

В примере (123), где *вдруг* находится в контексте глагола внутреннего состояния, можно заменить *он* на *я*, а в примере (126) *вдруг* находится в контексте глагола, при котором оно имеет имплицитного наблюдателя, и заменить третье лицо на первое нельзя:

(126) Тот шёл по перрону и *вдруг* остановился и помахал рукой кому-то, находившемуся вне поля зрения. [Ю. О. Домбровский. Ручка, ножка, огуречик (1977)] – неожиданно для говорящего

Роль этого наблюдателя выполняет в речевом режиме говорящий, а в нарративном – повествователь или персонаж.

В том контексте, где *вдруг* предполагает наблюдателя, невозможно подлежащее в 1-м лице. Это то самое ограничение на местоимение 1-го лица (оно было продемонстрировано в [Апресян 1986/1995] на примерах *показаться* и *вдалеке*, см. [п.8.2](#)), которое является тестом на наблюдателя:

(127) а. Володя (*я) маячил *вдалеке*;

б. *Вдруг* Володя (*я) остановился.

В примере (128) *вдруг* не противоречит определению, согласно которому наблюдатель – это обладающий определенными свойствами говорящий (имплицитный) – местоимение *я* выражает эксплицитного говорящего:

(128) Меня не было дома. Тania и Ваня сидели на кухне. *Вдруг* дверь распахнулась.

Имплицитный говорящий (наблюдатель) для *вдруг* – Тania и Ваня.

Слово *неожиданно* семантически близко к *вдруг*, но синтаксически отлично – у *неожиданно* есть синтаксическая валентность на субъект сознания, см. (129б):

(129) а. Отец *неожиданно* рассердился – в речевом режиме: ‘неожиданно для меня’

б. Отец рассердился *неожиданно* для всех.

Собственно говоря, *неожиданно* и ведет себя как слово с участником субъект сознания, а не наблюдатель (см. [п.7.3](#)): ничуть не аномально сочетание *рассердился неожиданно для самого себя*.

8.7 Наблюдатель у слов типа важно; генерализация

По умолчанию предполагают субъект 1-го лица слова так называемой категории состояния ([безличные предикативы](#)), типа *больно, весело, видно, возможно, видимо, заметно, интересно, жутко, горестно, досадно, приятно, хорошо, важно, безразлично, любопытно, легко, тошно, неловко, забавно, жарко, душно, обидно, радостно, скучно, грустно, страшно, трудно, ясно, хорошо; плевать, лень, жаль, жалко, охота, неохота, надо*; возвратные глаголы типа *хочется, придется, остается* и многие другие слова. (Ср. также [Кустова 1998] о подразумеваемых субъектах слова *тяжело*.) Например:

(130) *Хорошо*, что ты мне написал ‘it is nice to hear from you’ = ‘мне хорошо / приятно’.

В то же время, *стыдно* обычно предполагает ‘тебе’, а не ‘мне’: нельзя сказать *Стыдно, что я его не навестил*; надо – *мне стыдно*. См., впрочем, (131), (132) и вводные *стыдно сказать, стыдно признаться*.

(131) Об этом просто *стыдно* писать. Но я всё-таки напишу, раз уж взялась за дневник.

[А. Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)]

(132) *Стыдно* просить, но больше не к кому обратиться, поверьте. [«Домовой» (2002)]

Конкретная референтность участника-наблюдателя представляется столь очевидной, что она не была даже включена в число условий его прототипичности. Между тем, неканоничность наблюдателя у безличных предикативов состоит именно в том, что он может быть генерализованным – общеродовым: *важно* не обязательно значит ‘мне важно’ (и даже как правило значит не ‘мне важно’, а ‘вообще важно’ – мне и таким как я). И генерализация дает о себе знать. Например, при проекции. Так, предложение (133б) неоднозначно – его можно понять и с генерализованным субъектом, и с обычной проекцией, когда (133б) означает (133в):

(133) а. *Важно* найти общий язык с властью;

б. Сванидзе считает, что *важно* найти общий язык с властью;

в. Сванидзе считает, что ему *важно* найти общий язык с властью.

В принципе, субъект *я* крайне неохотно поддается генерализации (см. [Булыгина 1990]; [Князев 2008]; [Moltmann 2010] о *ты* как обобщенном *я*) – в роли генерализованного ‘я’ употребляется неопределенно-личное *ты*, например: *Ну что ты будешь делать!* Между тем подразумеваемый говорящий часто бывает генерализованным, см. (133а).

Неканоничность безличных предикативов как эгоцентриков также в том, что наблюдатель – субъект не только зрительного / слухового, но и, скажем, вкусового или обонятельного восприятия. А то и вовсе субъект сознания, так что не выполняется условие 2. Даже у *видно* и *видимо* подразумеваемый субъект, как правило, не является субъектом зрительного восприятия.

Класс слов с обобщенным подразумеваемым субъектом сознания составляют глаголы *объяснить*, *подтвердить*, *убедить*, *показать*, *оправдать*, *опровергнуть* в контексте субъекта не-лица [Падучева 1996: 153]. Например, оправдать что-то можно только в чьих-то глазах; поэтому в (134) мы ощущаем несобственную прямую речь – высказывание «Мощь государства *оправдывает* все жертвы» делается явно не от лица автора:

(134) Чем криминальнее режим, чем нестерпимее гнет, тем он любезнее народу. Мощь государства *оправдывает* все жертвы. Подумаешь, – индивидуальная судьба! [Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000–2002)]

В толковании слова *похожий* в НОСС фигурирует слово *человек* – очевидно, в общеродовом (generic) статусе. А именно, *человек* воспринимает объект Y, думает о нем и имеет образ объекта Y в сознании. Ясно, что *похожий* предполагает говорящего в роли субъекта сознания, но в общеродовом статусе – так же, как *важно*. Ср. известную статью [Postal 1970] об англ. глаголе *remind* ‘напоминать’, с таким же общеродовым подразумеваемым субъектом. В то же время у вводного слова *похоже* (*Он, похоже, расстроился*) подразумеваемым субъектом является индивидуальный говорящий. Так что граница не отчетлива.

Эгоцентрический по умолчанию субъект сознания имеют многие прилагательные – такие как *приемлемый*; *непостижимый*, *неразрешимый*; *важный*, *главный*; *непонятный*, *странный* (примеры даются по материалам из [Кустова 2003]). Эти прилагательные тоже имеет общеродовой, а не индивидуализированный подразумеваемый субъект сознания. Общеродовой статус имеет подразумеваемый субъект сознания у глаголов *внушать* <*жалость*>, *вызывать* <*раздражение*>, например:

(135) Его вид *внушает* жалость; пивная реклама *вызывает* раздражение.

Отметим, что у *выглядеть*, слова с общепризнанным наблюдателем, тоже наблюдатель не индивидуализированный, а обобщенный, см. п.8.11. Об этом свидетельствует тот факт, что выраженные наблюдатели при *выглядеть* обычно не являются собственным именем или конкретно-референтной именной группой:

(136) Но Илья всегда дорожил этим – не репутацией своей и не честью, а вот именно тем, как выглядит в глазах *окружающих*. [А. Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005)]

(137) – А то мы опять будем выглядеть в глазах *народа* как-то не солидно». [«Изнестия» (2001)]

8.8 Перемещающийся наблюдатель

Перемещающийся наблюдатель, естественно, должен быть субъектом не только восприятия, но и перемещения. Рассмотрим три группы примеров.

А. Примеры на базе [Апресян 1974: 161].

(138) а. Солнце *скрылось* за горизонтом; б. Дом *скрылся* за деревьями.

В (138а) субъект (солнце) перестал быть видимым из-за того, что он переместился. Между тем в (138б) и субъект, и ориентир неподвижны. Единственная возможность интерпретации фразы – за счет допущения о наблюдателе, который переместился таким образом, что дом перестал находиться в его поле зрения. Так что *скрылся* в (138б) предполагает присутствие в ситуации перемещающегося наблюдателя.

Б. Перемещающийся наблюдатель имеется в семантике глагола *начаться*, см. пример (139).

(139) а. Начался *дождь*; б. Начался *туннель*.

Начинается обычно процесс. В (139а) подлежащее обозначает процесс, и (139а) = ‘дождь начал иметь место’. Между тем в (139б) подлежащее обозначает неподвижный объект – туннель. Единственный возможный процесс – это перемещение наблюдателя по туннелю. Так что (139б) = ‘в поле зрения перемещающегося наблюдателя начал находиться туннель’

В. Есть группа глаголов, открытая Ю. Д. Апресяном [Апресян 1986/1995], которые в определенном контексте предполагают перемещающегося наблюдателя. Это, например, *кончатся, начинаться, подниматься, спускаться, поворачивать, доходить, проходить, обрываться* (и их парные СВ) в контексте подлежащего, обозначающего протяженный объект, который предусматривает или допускает перемещение вдоль себя, – такой как дорога, река, забор и др. Примеры.

(140) а. Тропа *кончилась* у реки; б. Тропа *кончается* у реки; в. Тропа *кончалась* у реки.

В [Апресян 1986/1995] (см. также [Гловинская 1982: 95, 96]) утверждается, что в форме НСВ эти глаголы обозначают пространственное расположение протяженного объекта, т.е. некое положение вещей, а форма СВ дополнительно «сообщает, что это положение вещей было зарегистрировано сознанием перемещающегося наблюдателя» (ср. *Тропа поворачивает направо* и *Тропа повернула направо*). В результате возникает нестандартное соотношение между формами СВ и НСВ.

Представляется возможной альтернативная трактовка обнаруженного явления. Эти глаголы (точнее, употребления) имеют в СВ и в НСВ одну и ту же лексическую семантику, и перемещающийся наблюдатель предопределен лексической семантикой этих глаголов, измененной в контексте специфического подлежащего. В настоящем времени НСВ эти глаголы выражают постоянное соотношение, см. (140б), и наблюдатель (перемещающийся) может быть только генерализованный, общеродовой (см. п.8.7) – не прототипический. Но в прошедшем времени глагол НСВ выражает ситуацию с индивидуальным наблюдателем. Различие по смыслу между (140а), с СВ, и (140в), с НСВ, минимальное, так что если наблюдатель есть в (140а), то он есть и в (140в).

В контексте этих глаголов семантическая роль у наблюдателя не только субъект восприятия, но и субъект перемещения.

Отметим специфическое значение имени, обозначающего протяженный объект: этот объект ориентированный – *дорога* значит не ‘дорога’, а ‘путь’: ясно, что *путь из варяг в греки* не то же самое, что *путь из греков в варяги*. И здесь то же самое.

Ср. также похожий эффект в употреблениях будущего времени вроде *Вот магазин, а через сто метров будет автобусная остановка* (см. о них в статье [Нефутуральные употребления будущего времени](#)). Остановка на момент речи уже существует, будущее время в *будет* связано с перемещающимся наблюдателем, в поле зрения которого она еще не попала.

8.9 Наблюдатель в семантике вида

Вид, если отвлечься от его функции выражения многократности, характеризует ситуацию по отношению к **моменту наблюдения**.

Так, общим свойством глаголов совершенного вида является то, что они задают **ретроспективный взгляд на ситуацию**, иначе – ретроспективный **ракурс** (retrospective **viewpoint** в терминах [Smith 1991/1997]; ретроспективную **перспективу**; ретроспективную **точку отсчета** по Рейхенбаху, или ретроспективную **позицию наблюдателя** в терминах [Падучева 1996: 12, 269]) – причем не только в прошедшем, но и в будущем времени. На ретроспективную позицию наблюдателя у глагола СВ указывают: отсутствие у глагола СВ формы настоящего времени (настоящее время порождает синхронного наблюдателя); несочетаемость с фазовыми глаголами, с показателями включенного времени и длительности.

А глагол НСВ может выражать синхронный и ретроспективный ракурс в прошедшем времени; синхронный и проспективный в будущем [Падучева 2010]; и только в настоящем времени, при речевом, т.е. не нарративном, режиме интерпретации, глагол НСВ задает однозначно синхронный ракурс – синхронную точку отсчета. Синхронная точка отсчета была понята как одновременность моменту наблюдения (ср. [Гловинская 1982: 128]) – так в семантике вида появился синхронный наблюдатель.

Существенно, что вид – это вторичный, т.е. мягкий, эгоцентрик: при переходе от автономного употребления в речевом режиме к гипотаксису или нарративу меняется только ориентир – наблюдателем оказывается не говорящий, а субъект матричного предиката или персонаж / повествователь. Актуально-длительное значение НСВ (прогрессив) – это синхронность моменту речи в диалогическом режиме; текущему моменту развития текста в нарративном; и времени матричного предложения в гипотаксическом контексте, см. [Падучева 1996: 295]. Имеет место проекция. Это значит, что для вида соблюдается условие 1 в определении наблюдателя, вид – вторичный эгоцентрик:

(141) а. Я *сдаю* экзамен по философии – диалогический режим;

(142) б. Приехали друзья. А я <в это время> *сдаю* экзамен по философии – нарративный режим;

в. Ему сказали, что я *сдаю* экзамен по философии – гипотаксический контекст.

Что же касается условия 2, о том, что наблюдатель должен быть субъектом восприятия, то оно соблюдается лишь в некоторых специальных контекстах. Так, *suspense* в примере (100) из [п.8.3](#) возникает именно от того, что не видно кандидата на роль наблюдателя для многочисленных глаголов НСВ в актуально-длительном значении в этом отрывке: <олеандры> *бросают тень*, <от цветов> *потягивает* <запах>, <с моря> *задувает* <ветерок>, *проходят* <лодки>.

Даже синхронный наблюдатель не всегда является субъектом наблюдения. Так, фраза *Отец в саду поливает цветы* (в ответ на вопрос «Где отец?») не предполагает наблюдателя в саду. Что же касается ретроспективного и проспективного наблюдателя, то он заведомо не является субъектом восприятия.

Так что наблюдатель в семантике вида не прототипический. Взять хотя бы тот факт, что наблюдатель должен быть **лицом**, т.е., в частности, физическим телом, занимающим определенное место в пространстве (см. об этом в [п.7.2](#)), а семантика вида не обеспечивает говорящего таким местом.

Так или иначе, сложилась традиция, в силу которой подразумеваемый субъект, относительно которого отсчитывается ракурс, считается наблюдателем. И легче допустить наблюдателя, который не наблюдает (точнее, не всегда наблюдает), чем отказаться следовать этой традиции.

ПРИМЕЧАНИЕ 1. В [Bäuerle 1979] и [Kratzer 1978], где используется термин *Betrachtzeit*, момент наблюдения, этот термин противопоставлен термину *Redezeit*, момент речи, – как противопоставлены вторичный и первичный дейксис. О наблюдателе речи не идет.

ПРИМЕЧАНИЕ 2. В АС наблюдатель признается в семантике всех дейктических единиц – т.е. не только у вида, но и у адвербиалов типа *вдали* и *вдалеке* и даже *близко* (см. [п.8.4](#), [п.8.5](#)). Если принять это словоупотребление, то получится, что наблюдатель есть у всего вторичного дейксиса. NB: только у вторичного дейксиса, не у вторичных эгоцентриков в целом.

Фигура наблюдателя позволяет вывести текстовые (дискурсивные) значения форм СВ и НСВ из их значений в составе изолированного высказывания.

Форма НСВ в актуально-длительном значении предполагает момент наблюдения, расположенный «в середине» ситуации [Падучева 1996: 363]. Отсюда тот факт, что соположенные или сочиненные формы НСВ выражают одновременные процессы или состояния.

Форма СВ предполагает момент наблюдения, расположенный «в середине» перфектного состояния события. Отсюда тот факт, что соположенные или сочиненные формы СВ выражают последовательные события.

В конструкции «глагол СВ + союз И + глагол НСВ» момент наблюдения (временная позиция наблюдателя) задается глаголом СВ и, как правило, остается неизменным при переходе к глаголу НСВ:

(143) Мы *обнялись и плакали* непонятно от чего [С. Спивакова. Не всё (2002)]

Если бы между ситуациями было отношение следования во времени, то нужно было бы выразить начинательность. Между тем (143) не равно *обнялись и заплакали* или *обнялись и стали плакать*.

Впрочем, в (144), с глаголом НСВ, обозначающим активную деятельность, надо полагать, возникает новый момент наблюдения:

(144) Петр *выскочил и шел* по пояс в воде, своими руками помогая тащить судно.

[А. С. Пушкин. История Петра: Подготовительные тексты (1835-1836)]

Имеется в виду: *выскочил и теперь шел по пояс в воде*, см. подробнее [Падучева 1996: 363]. Ср. характерный пример с *теперь*:

(145) ...он *выхватил* наган, *отогнал* всех прочь, *сунул* наган обратно в кобурку *и теперь шел* быстро, в папахе, плотно надвинутой на лоб, в кожаной куртке, в сапогах... [С. Залыгин. Соленая Падь (1967)]

8.10 Наблюдатель в конструкции с генитивным субъектом локативного *быть*

Локативное *быть* в течение многих лет оставалось нерешенной проблемой морфосинтаксиса генитивного субъекта в отрицательном предложении. В [Арутюнова 1976] и [Babby 1980] был принят в целом семантический подход к генитивному субъекту. Утверждалось, что генитивный субъект свойствен бытийным предложениям, т.е. бытийному *быть* (как в предложении *Не было такой партии*) – так же, как глаголам *существовать*, *оставаться*, *расти*, *происходить*, etc. Однако про генитивный субъект локативного *быть* (как в предложении *Геологической партии не было на базе*) говорилось, что он порождается «автоматическим синтаксическим правилом».

В [Падучева 1992] была высказана идея, что генитивный субъект выражает наличие наблюдателя в зоне отсутствия, т.е. не просто отсутствие, а **наблюдаемое отсутствие**⁵, ср. простое отсутствие в (146) и наблюдаемое в (147).

(146) Ваня сейчас не дома;

(147) Вани сейчас нет дома.

Пример (148) показывает, что в генитивной конструкции при отсутствии локативного актанта есть подразумеваемое ‘здесь’ как место пребывания говорящего – которого нет в номинативной:

(148) а. Жаль, что Ивана *не было!* – *быть* локативное; Ивана *не было* в том месте, где был говорящий

б. *Жаль, что Иван *не был!* – *быть* динамическое; дейктический нуль невозможен; предложение неполное (пример из [Падучева 1992])

Наблюдатель в генитивной конструкции проходит тест на местоимение 1-го лица. Так, фраза (149а), где говорящий должен быть наблюдателем самого себя, аномальна (она возможна разве что в контексте передачи чужой речи: *Скажите, что меня нет дома*). Между тем, в (149б) и (149в), где гипотаксическая проекция или нарратив и наблюдателем не является говорящий, местоимение 1-го лица вполне уместно.

(149) а. *Меня нет дома;

б. Ему сказали, что меня нет дома;

в. Приходит Иван, а *меня* нет дома.

⁵ Близкие идеи содержатся в статье [Борщев, Парти 2002] и других, посвященных понятию перспективы.

Впрочем, допустимость фразы (150) свидетельствует о том, что генитивный субъект может быть не только субъектом наблюдения, но и субъектом сознания – говорящий считает свой дом своей принадлежностью даже тогда, когда он в нем не находится:

(150) *Меня не было дома.*

Пример (151) демонстрирует присутствие наблюдателя в предложении с отрицаемым локативным *быть*. Фраза (151а) понимается как ‘Коли нет ни в одном из тех мест, где я пытался его найти, т.е. увидеть’, а фраза (151б) аномальна, поскольку Коля, как физический объект, должен где-то находиться (пример по мотивам [Partee, Borschev 2002]):

(151) а. Коли нигде *нет*; б. *Коля нигде.

Другой пример. Фраза (152а) законна – она обращена к сослуживцам, потенциальным наблюдателям моего завтрашнего отсутствия, а для фразы (152б) нет контекста с естественным кандидатом на роль наблюдателя, и она аномальна.

(152) а. Меня завтра *не будет* в институте (пример из [Зализняк 2006: 256]);

б. *Меня *нет* в офисе, я сейчас не могу ответить на Ваш вопрос. (Фраза сказана женщиной в очереди в сбербанке по мобильнику – очевидно, в ответ на вопрос клиента.)

Генитив наблюдаемого отсутствия возможен и при других глаголах локализации (местонахождения), например:

(153) Картины на стене *не висело*;

(154) Телевизора в номере *не стояло*.

Интересно, что наблюдателя в конструкции с генитивным субъектом можно подавить, создав для предложения инференциальный контекст (наблюдение Я. Г. Тестельца). Так, фраза (155а) предполагает наблюдателя, а в (155б) он отсутствует.

(155) а. Отца не было на море, когда началась гроза;

б. Значит, отца не было на море, когда началась гроза.

С введением фигуры наблюдателя возникает еще одно специальное употребление термина «говорящий». Говорящий как единый подразумеваемый эгоцентрический субъект противопоставлен говорящему, который не является наблюдателем. Именно в этом узком смысле употребляется термин говорящий в НОСС и АС.

Говорящего, который не является наблюдателем, дает, например, семантика частицы *даже*.

(156) *Даже* Ваня пришел = ‘(а) Ваня пришел; (б) другие люди пришли; (в) говорящий менее всего ожидал прихода Вани’.

Как легко видеть, частица *даже* – вторичный эгоцентрик, она поддается гипотаксической проекции – в гипотаксическом контексте компонент (в) сохраняется, но меняет ориентацию – в примере (157) выражается ожидание не говорящего, а матери:

(157) Мать была рада, что *даже* Ваня пришел.

Но поскольку не выполняется условие 2 (говорящий не является субъектом восприятия), говорящий не признается наблюдателем.

У глаголов поведения (или интерпретации, см. [Апресян 2004]) их имплицитный субъект сознания трактуется как говорящий, а не наблюдатель. Между тем они являются вторичными эгоцентриками, т.е. поддаются гипотаксической проекции (ср. *Иван ошибается, Иван самоуправствует* и *Она считает, что Иван ошибается, самоуправствует*). И в самом деле, они проходят тест на местоимение 1-го лица – аномалия устраняется в гипотаксическом контексте, ср. аномальные *Я кривляюсь, *Я корчу и нормальные (158), (159).

(158) Считают, что я *кривляюсь*. [И. Грекова. Дамский мастер (1963)]

(159) Меня он тоже ругал, говорил мне, что я *корчу* из себя богатого англичанина и не чувствую самого важного! [Д. Гранин. Зубр (1987)]

Роль субъекта восприятия очень близка к роли субъекта сознания, а глаголам поведения естественно иметь стороннего наблюдателя. Так что граница между наблюдателем и говорящим в узком смысле не всегда отчетлива.

8.11 Когда наблюдатель не является имплицитным говорящим

До сих пор мы имели дело с наблюдателем, который является имплицитным говорящим, см. [п.8.1](#). Иной тип наблюдателя может возникнуть в контексте глагола *выглядеть*.

Ясно, что семантика глагола *выглядеть* предполагает наблюдателя. В самом деле, *выглядеть* – глагол восприятия, однако он не имеет Экспериента в числе своих синтаксических актантов. Следовательно, роль Экспериента исполняет у него какой-то другой субъект. В простом случае роль наблюдателя у *выглядеть* исполняет имплицитный говорящий:

(160) ...а папа погладит сестру по голове: «Ты очень хорошо *выглядишь*, знаешь?» – «Ну а ты просто красавчик», – скажет сестра. «А посмотри, как мама хорошо *выглядит*, а?» – скажет папа. [Б. Окуджава. Упраздненный театр (1989-1993)]

В частном случае субъект и объект восприятия при *выглядеть* могут совпадать: когда наблюдатель имеет синтаксическое выражение – *в собственных глазах, в своих глазах*. В АС отмечено, что в этих конструкциях *выглядеть* передает не впечатление от восприятия внешности объекта, а оценочное мнение по поводу объекта – мнение о непосредственно не наблюдаемых свойствах объекта или ситуации:

(161) Он <Сталин> не *выглядел* в своих глазах бездарным Николаем I, который советовал Пушкину переделать «Бориса Годунова» в стиле исторических хроник Вальтера Скотта. [Г. Фукс. Двое в барабане (2003)]

У наблюдателя глагола *выглядеть* есть особенность. Дело в том, что *выглядеть* вполне естественно употребляется с подлежащим 1-го лица, обозначающим объект восприятия (в отличие, например, от глагола *показаться*, см. [п.8.2](#)):

(162) Думаю: спасибо, Рая, в новых трусах я *выгляжу* достойно, а то бы ходил сейчас в драных, как Тарзан. [М. Панин. Камикадзе (2002)]

Наблюдатель в (162) – это не тот имплицитный говорящий, который удовлетворяет условиям, сформулированным в [п.8.1](#). Это фигура, принципиально отличная от говорящего, так как не выполняется условие ноль в определении наблюдателя, что наблюдатель – это имплицитный говорящий. В ситуацию, описываемую глаголом *выглядеть* в (162), входит наблюдатель, который оценивает внешний вид эксплицитного говорящего *я* со стороны, – **сторонний наблюдатель**. Он, естественно, не совпадает с имплицитным говорящим: (162) не имеет в виду, что я *выгляжу* достойно в собственных глазах.

В примерах (163)–(165) эксплицитный говорящий на первый взгляд не исключается из числа экспертов, а может быть даже является единственным арбитром:

(163) На фоне местных алкашей я *выглядел* педантом. [С. Довлатов. Заповедник (1983)]

(164) В общем, из всех присутствующих именно я *выглядел* как отъявленный подонок. [А. Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]

(165) Я сел. В самом деле, я *выглядел* глупо. [Ю. Трифонов. Утоление жажды (1959-1962)] – говорящий сам оценил, как он *выглядит*, и решил сесть.

В этих примерах смещается фокус эмпатии, и говорящий смотрит сам на себя – как бы со стороны. Можно думать, эти предложения содержат некий гипотетический компонент: это не собственно оценка себя говорящим, а его предположение о том, как его оценивают окружающие.

В контексте вопроса на роль стороннего наблюдателя выдвигается адресат вопроса (слушающий):

(166) Капитан снова сунул руки в карманы: – Слушай, как я *выгляжу*? Нормально? [А. Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)]

Сама по себе возможность этого вопроса говорит о том, что говорящий может не знать, как он выглядит. Это подтверждается примером (167), где человек выражает неуверенность по этому поводу:

(167) Наверное, я *выглядел* странно: улыбающаяся личность без слов. [А. Вяльцев. Путешествия в одну сторону (1985-2000)]

И еще одна деталь. Когда человек спрашивает у другого, как он выглядит, он интересуется скорее общим мнением, а не мнением одного только данного лица. Пример (168) подтверждает, что *выглядеть* не просто выражает мнение одного человека по поводу внешнего вида другого, а выражает нечто более объективное – внешний вид свидетельствует о том-то и том-то:

(168) – Должен тебе сказать, что *ты выглядишь* как идиот, – сказал он, строго оглядев меня. [Ф. Искандер. Письмо (1969)]

Дело в том, что наблюдатель у *выглядеть* (при субъекте любого лица) обобщенный: не просто говорящий, а говорящий и его окружение (как у слова *важно*, см. п.8.7). При субъекте 1-го лица говорящий исключается из числа наблюдателей, остается только окружение. Так что сказать, что в примере (160) наблюдателем у *выглядеть* является имплицитный говорящий, не совсем точно – это говорящий и его окружение, быть может, подразумеваемое.

В случае с зеркалом или фотографией говорящий *я* реально видит не себя, а свое отражение / изображение, так что тождество субъекта и объекта восприятия возникает в результате метонимических переносов:

(169) Я выключаю электробритву и смотрю на себя в зеркало. *Я выгляжу* точно на 28 лет. Почему-то никто никогда не ошибается, угадывая мой возраст. [В. Аксенов. Звездный билет (1961)]

Похож на *выглядеть* его синоним *смотреться*, который тоже допускает в качестве объекта восприятия подлежащее *я*.

(170) Ну ты сам знаешь, в раздетом виде *я смотрюсь* как бог со своей грудной клеткой и бицепсами. [Ф. Искандер. Сандро из Чегема (1989)]

(171) [Соня, жен] Без платья *я* еще *смотрюсь*, но без сапог все отпадают. [Л. С. Петрушевская. Сырая нога, или Встреча друзей (1973-1978)]

Похожим свойством обладает глагол *обнаружить* в значении ‘проявить, выказать (какое-либо чувство, состояние, свойство, качество)’: он тоже может употребляться с подлежащим 1-го лица – и в этом случае предполагает стороннего наблюдателя, не совпадающего с говорящим (имплицитным или эксплицитным). Например:

(172) ...трепеща от звуков музыки с четырех лет, *я обнаружил* любовь к ней и ее понимание лишь к седьмому классу гимназии; до – прикидывался равнодушным; и мать – вздыхала... [А. Белый. На рубеже двух столетий (1929)]

(173) Однажды мне пришлось провожать ее домой под вечер, и на нас напали собаки. *Я обнаружил* при этом чудеса храбрости. (В. Г. Короленко, История моего современника), пример из МАС

Иными словами, наблюдатель у глагола *обнаружить* в контексте субъекта 1-го лица это не имплицитный говорящий, а сторонний наблюдатель – я обнаружил перед окружающими, не перед самим собой. В [Падучева 2004: 250] пример *Я не обнаруживал признаков жизни* приводится под звездочкой. Между тем эту звездочку можно поставить под сомнение: *обнаружить*, в отличие от *показаться*, допускает субъект 1-го лица, одновременно исключая говорящего из числа наблюдателей. Впрочем, субъект 1-го лица при *обнаружить* не такой частотный, как при *выглядеть*.

Итак, наблюдателем у ряда глаголов может не быть имплицитный говорящий, но только в специальном контексте – в контексте субъекта 1-го лица, когда эксплицитный говорящий служит объектом восприятия.

(вперед)

(позади)

Эта модель объясняет пример (180)

Наконец, есть Модель 3 (встречного движения). Движение мира (с впередсмотрящим-наблюдателем) в соответствии с Моделью текущего времени порождает встречное *как бы* движение засечек на Шкале времени. Эта модель объясняет пример (181).

9 Говорящий и определение презумпции

9.1 Семантическая и прагматическая презумпция

Согласно общепринятым представлениям, [презумпции](#) (пресуппозиции) – это те компоненты значения предложения, которые сами собой понимаются (are taken for granted), а не составляют главное содержание высказывания. Несколько сдвигая акценты, можно сказать, что презумпции – это такие пропозициональные компоненты, истинность которых не утверждается в данном высказывании, а является условием его осмысленности. С логической точки зрения презумпция – это условие, которое должно выполняться, чтобы предложение было истинным или ложным (т.е. осмысленным). См. классическое определение презумпций по Фреге–Стросону в [Презумпция / п.1](#).

В [Stalnaker 1972] был предложен подход к презумпциям иной, чем у Фреге–Стросона. Столнейкер обращает внимание на то, что носителями презумпций являются, строго говоря, не слова и выражения языка, а говорящие, так что презумпция высказывания – это то, что должно находиться в общем фонде знаний участников речевого акта, чтобы коммуникация была успешной. Так возник прагматический подход к презумпциям, в рамках которого было разработано прагматическое определение презумпции, основанное на так наз. принципе общих фоновых знаний (Common Ground Condition), см. [Karttunen 1974]; [Heim 1983]. В основу этого определения положена не истинность, а «фоновая информация» (background knowledge), общая для говорящего и слушающего: речевой (а возможно, и не-речевой) контекст высказывания.

Передача презумпций в компетенцию прагматики получила признание в формальной, т.е. теоретико-модельной, семантике, поскольку это позволило не выходить в семантике за рамки двузначной логики.

Однако традиционная лингвистическая семантика не предполагает строгой границы между семантикой и прагматикой, см. [Wierzbicka 1991]. Конечно, прагматический подход к презумпциям соответствует некоторой лингвистической потребности. Так, в основе деления содержания высказывания на отрицаемое и не отрицаемое, как в примере *Иван жалеет, что поехал на конференцию в Марокко*, лежит противопоставление нового, т.е. важного (в данном случае это пропозициональная установка: сожаление), и того, что предполагается известным или само собой разумеющимся (факт поездки). И эту оппозицию нельзя уточнять, не введя в рассмотрение участников речевого акта. Но с точки зрения лингвистической целесообразности следовало бы не заменять семантическое определение презумпции (с его опорой на аномалию и отрицание) прагматическим, а различить **семантическую** и **прагматическую** презумпцию, см. подробнее в статье [Презумпция](#).

Поскольку презумпции эгоцентричны, возникает вопрос, подвержены ли они проекциям. Ответ положительный. Рассмотрим презумпцию, которая описывает значение частицы *даже*: *даже* x P(x) $\supset$ ‘про x меньше всего ожидалось, что P(x)’. Очевидно, что в (182) это презумпция говорящего, а в (183) – субъекта матричного предложения, т.е. Маши.

(182) *Даже* учитель решил эту задачу с трудом;

(183) Маша поняла, что *даже* учитель решил эту задачу с трудом.

9.2 Фактивная презумпция как знание говорящего

В лингвистике иногда используется определение фактивной презумпции (или фактивной пресуппозиции), которое не обращается к понятию истинности (ср. [Шатуновский 1996]; [Падучева 2004: 257]; [Зализняк 2006: 486]): семантический компонент Р предложения S есть презумпция S, если и S, и отрицание S включает семантический компонент ‘я знаю, что Р’. Так, и утверждая, и отрицая (184), я знаю, что Иван поехал на конференцию в Марокко:

(184) Иван *жалеет*, что поехал на конференцию в Марокко.

Определение презумпции, выявляющее ее эгоцентричность, позволяет дать объяснение специфическим семантическим эффектам, которые не видны при классических определениях. Несколько примеров.

Пример 1. Предложение (185б) семантически беднее, чем (185а).

(185) а. Маша *знает*, что Иван поехал в Марокко;

б. Я *знаю*, что Иван поехал в Марокко.

В самом деле, в (185а) ассерция – Маша *знает*, что Иван поехал в Марокко, а презумпция – Я *знаю*, что Иван поехал в Марокко; а в (185б) ассерция и презумпция совпадают.

Пример 2. Предложение (186а) нормально, а (186б) аномально. Это естественно объясняется тем, что его ассерция противоречит его презумпции:

(186) а. Маша не *знает*, что Иван поехал в Марокко;

б. *Я не *знаю*, что Иван поехал в Марокко.

Ср.:

(187) Я не *знаю*, уехал ли Иван в Марокко.

Пример 3. Глагол мнения может иметь фактивную презумпцию говорящего при рематическом нисходящем акценте на глаголе, а при интродуктивном восходящем акценте ее утрачивать. Таков, например, глагол *подозревать*, ср. (188а) и (188б):

(188) а. Иван *подозревает*∨, что Зина больна – ассерция: Иван имеет некоторые основания считать, что Р; презумпция говорящего: ‘я знаю, что Р’

б. Иван *подозревает*∧, что Зина больна∨ – говорящий не имеет точки зрения

Субъект 1-го лица лишает предложение презумпции, так что в контексте субъекта 1-го лица противопоставление, демонстрируемое примером (188), невозможно. Говорящий не может подкрепить свою ассерцию своей же презумпцией, и интродуктивный акцент остается как единственно возможный:

(189) Я *подозреваю*∧, что Зина больна∨.

Пример 4. В предложении с косвенным вопросом вполне допустим главный фразовый акцент на именной группе, выражающей субъекта установки, см. (190а); а в предложении с союзом *что*, см. (190б), он выглядит странно, поскольку *знать* требует, чтобы пропозиция была известна говорящему, а ударение на *Маша* приписывает знание Маше, в отличие от остальных, – в том числе и говорящего:

(190) а. Маша∨ *знает*, куда уехал Иван = ‘Маша знает, а я, говорящий, нет’

б. ?Маша∨ *знает*, что Иван уехал в Марокко.

Так что представив презумпцию как знание говорящего, мы можем выявить ряд новых фактов.

10 Дейксис и анафора

Анафорические показатели места отличаются от дейктических тем, что дейктические адвербиалы – такие как *близко*, *вдали*, *вдалеке* (см. [п.8.4](#), [п.8.5](#)), *впереди*, а также *здесь*, *там*, – указывают местоположение объекта через его отношение к местоположению

говорящего, тогда как анафора отсылает к антецеденту, не вовлекая никакого лица в число участников ситуации. См. в [п.5.2](#) аналогичное различие между временем (дейктической категорией) и таксисом.

Дейктические слова с указательным значением (например, *там*, *туда*) обычно допускают также и анафорическое употребление, см. [Указательные местоимения](#). Причем анафорическое употребление дейктического слова обязательно изменяет его значение. Так, слова *там*, *туда* в речевом режиме принимают во внимание двух субъектов – говорящего и адресата. Если я собираюсь ехать в Казань, я не могу в телефонном разговоре с Казанью сказать: *Я еду в Казань. Какая там погода?*, поскольку *там* (и *туда*) означает ‘далеко от говорящего и от слушающего’. *Я иду туда* не может быть понято как ‘туда, где находишься ты’.

Между тем при анафорическом употреблении адресат не фигурирует в семантике этих слов – *там*, *туда* отсылают к тому месту, которое выделено в денотативном пространстве текста. Так, в предложении (191), которое предполагает нарративный режим интерпретации, наречие *там* выступает как чистый анафор:

(191) Дед <...> уходил к сараю и *там* плакал. [М. Палей. Поминование (1987)]

Замена *там* на *здесь* внесла бы семантический привесок – присутствие в контексте ситуации говорящего (или наблюдателя), т.е. субъекта с определенной пространственной локализацией. И это будет уже не анафора, а **текстовый дейксис**, потому что *здесь* не является анафорическим местоимением. В примере (192) *здесь* кажется не вполне уместным:

(192) ...года через два перешел он в Училище живописи, пробыл *здесь* чуть ли не пятнадцать лет и кончил по архитектурному отделению, с грехом пополам, [А. П. Чехов. Невеста (1903)]

Если изменить порядок слов (*Здесь он пробыл чуть ли не пятнадцать лет*), предложение (192) будет примером текстового дейксиса.

В [Апресян В. 2014], где сопоставляются пространственные значения наречий *здесь* и *тут*, отмечено, что *здесь* имеет и анафорическое, и дейктическое употребление, а *тут* только дейктическое. Выявлены непространственные употребления *тут*, в частности, временное: *Он начал делать доклад, и тут сломался проектор*.

В примере (33) из [п.3](#) у *сейчас* нет антецедента. Так что в (33) не анафора, а текстовый дейксис: *сейчас* обозначает временной отрезок, который является для некоторого лица настоящим временем.

В [п.4](#) шла речь о наречиях *вчера* и *накануне*: *вчера* предшествует дню, к которому относится настоящее время говорящего, это дейксис; а *накануне* обозначает день, который предшествует любому дню, принятому за точку отсчета, как при анафоре. Впрочем, в [Левонтина 2015: 345] говорится, что это различие имеет тенденцию стираться; (193) – один из примеров, где *накануне* употребляется в значении *вчера*:

(193) Гроза, разбушевавшаяся в Москве *накануне* вечером, сегодня может повториться.

Оборот с предлогом *спустя* (как в *два дня спустя*) допускает только дискурсивное (так сказать, анафорическое) употребление, т.е. требует точки отсчета, ранее фиксированной в тексте. Поэтому во фразе (194), которая является первой фразой рассказа, намеренная аномалия:

(194) *Четыре года спустя* на лице журналистки Агаповой появится шрам от удара металлической рейшиной. [С. Довлатов. Компромисс (1981-1984)]

11 Семантические сферы эгоцентрии

Главная сфера эгоцентрического – дейксис. Имеются слова, у которых наблюдатель диатетического происхождения – к ним принадлежит *показаться*, которое образовано от *показать*, с Экспериентом-Дативом, см. [п.8.2](#). Кроме того, есть мощный класс слов с врожденным наблюдателем; это слова, обозначающие наблюдаемое свойство (*белеть*),

наблюдаемое расположение (*раскинуться, торчать, маячить*), наблюдаемое движение (*развеваться, реять*), наблюдаемое издавание звука и запаха (*звенеть, пахнуть*), наблюдаемую деятельность (*уплестать*) и даже наблюдаемое восприятие (*озираться, уставиться*). Эгоцентрический участник обнаруживается в семантике существительных (см., помимо [Апресян 1986/1995], также [Урысон 1996]; [Ляшевская 2004: 172 ff]), прилагательных, частиц и даже союзов [Падучева 2009: 442 ff].

Общепризнанной эгоцентрической категорией является модальность: общим для всех явлений из сферы грамматической модальности является участие говорящего. Это наклонение, а также вводные слова, частицы, модальные предикативы. См. [Модальность](#).

Третья и четвертая сфера – это оценка и эвиденциальность. Наконец, есть коммуникативная структура (тема-рематическое членение предложения), которая имеет дело с оппозицией известное / неизвестное (для адресата), тем самым апеллируя к говорящему и адресату. Ср. обзор грамматических, лексических и коммуникативных проявлений «эгоцентризма» языка в [Шелякин 2005: 200–241, 260–275].

12 Краткая история изучения эгоцентрии

Можно считать, что начало изучению эгоцентрии положила статья [Jakobson 1957/1972]. Эта статья начинается со ссылки на книгу [Волошинов 1930], которая в основном посвящена несобственной прямой речи. И в самом деле, несобственная прямая речь играет ключевую роль в проблематике эгоцентрии, поскольку расширяет возможности употребления первичных эгоцентриков в нарративе. Главным теоретическим достижением Р. О. Якобсона является понятие шифтера – это языковая единица, которая отсылает либо к участнику речевого акта, либо к его обстоятельствам, т.е. месту или времени. На фоне структурной (да и хомскианской) лингвистики Р. О. Якобсон сделал важный шаг, объявив говорящего и слушающего центральными фигурами грамматики. До статьи [Jakobson 1957/1972] говорящий фигурировал только в сфере дейксиса. Якобсон объединил дейксис и модальность как равно важные сферы эгоцентрии.

Э. Бенвенист стоит у истоков понятия режим интерпретации, которое играет кардинальную роль в современной трактовке эгоцентрии. В своей знаменитой работе 1959 года «*Les relations de temps dans le verbe français*» («Отношения времени во французском глаголе») [Benveniste 1959] Бенвенист ввел различие между «планом речи» (*plan de discours*) и «планом повествования» (*plan de récit*). То, что Бенвенист называет «планом» высказывания, в [Падучева 1986; 1996] было представлено как режим интерпретации эгоцентрических единиц: основное противопоставление – диалогический и нарративный режим. Далее было введено понятие первичных (жестких) и вторичных (мягких) эгоцентриков, что позволило привести в систему многие факты языка. Была описана роль этого противопоставления в нарративах разных типов, что заложило основы типологии повествовательных форм.

Книга Б. А. Успенского «Поэтика композиции» [Успенский 1970/2000], которая сразу получила широкий резонанс, является образцом слияния, в якобсоновском духе, лингвистики и поэтики. Б. А. Успенский представил говорящего как подразумеваемого субъекта номинации, оценки, пространственного и временного дейксиса; показал, что имя объекта сопоставляет ему определенный концепт, который отражает **точку зрения** того или иного субъекта сознания.

В [Fillmore 1975; 1982] было обращено внимание на то, что множество языковых единиц – слов и грамматических категорий – имеет смысл только при условии, что предложения, их содержащие, понимаются как включенные в определенный контекст, позволяющий идентифицировать участников речевого акта и их положение в пространстве, а также время и место осуществления самого речевого акта. Филлмор говорит о первичном и вторичном дейксисе (*deixis I, deixis II*) как о **деятельности** – имея в виду, по сути, режим интерпретации: речевой, т.е. диалогический, и нарративный. На

примере английского глагола *to come* Филлмор продемонстрировал роль проекции как системного сдвига ориентира эгоцентрической единицы при смене контекста.

В [Lyons 1977: 579] был введен термин **каноническая коммуникативная ситуация**, приведены примеры неканонических ситуаций и **проекций** разных типов.

Главная заслуга Ю. Д. Апресяна – обоснование наблюдателя как фигуры **вторичной эгоцентрии**. Ю. Д. Апресян представил аномалию при замене 3-го лица на 1-е как тест, который позволяет выявлять наблюдателя; обосновал обращение к гипотаксическому контексту, а не только к повествовательному режиму как тест на наблюдателя; Ю. Д. Апресян положил начало систематическому изучению роли наблюдателя в семантике лексики. Словари НОСС и АС позволяют наглядно видеть эгоцентрическую компоненту в значении многих и многих слов.

Существование имплицитных актантов, которые требуются смыслом слова, но не имеют поверхностного выражения, рассматривается и обосновывается в работах, написанных в рамках формальной (теоретико-модельной) семантики, см. [Condoravdi, Gawron 1996]; [Lasersohn 2005] и др. Так что трактовка субъективности, в основе которой лежит понятие имплицитного эгоцентрического актанта, позволяет включить исследуемую проблематику в более широкий теоретический контекст.

Сейчас эгоцентриа – это широчайший фронт исследований, так что трудно даже думать о том, чтобы упомянуть всех важнейших его представителей*.

13 Библиография

- АС – Апресян Ю.Д. (Отв. ред.) Активный словарь русского языка. М.: ЯСК. 2014.
- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М. – Вена. 2004.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука. 1974.
- Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, 28. М. 1986. (Перепечатано в: Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. М. 1995).
- Апресян Ю.Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении, 1(7). 2004.
- Апресян Ю.Д. Понятийный аппарат системной лексикографии // Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. М. 2009.
- Апресян В. ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ 2, ХОТЯ БЫ 1, ХОТЬ 3 // Апресян Ю.Д. (Ред.) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М. – Вена. 2004.
- Апресян В.Ю. *Тут, здесь и сейчас*. О временных значениях пространственных дейктических слов // Русский язык в научном освещении, 27(1). 2014. С. 9–41.
- Апресян В.Ю. Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: ЯСК. 2015.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М.: Наука. 1976.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. 1974.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука. 1983.
- Борщев В.Б., Парти Б.Х. О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика, 37. М. 2002.
- Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Селиверстова О.Н. (Отв. ред.) Семантические типы предикатов. М. 1982.
- Булыгина Т.В. *Я, ты и другие* в русской грамматике // Res philologica. Филологические исследования. Памяти Георгия Владимировича Степанова 1919–1986. М.–Л.: Наука. 1990. С. 111–125.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. 1997.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Неожиданности в русской языковой картине мира // ПОЛУТРОПОН: Сб. статей к 70-летию В.Н. Топорова. М.: Индрик. 1998. С. 306–324.
- Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, Универс. 1993.
- Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Л.: Прибой. 1930.

---

* Автор благодарен М. А. Холодиловой, Н. М. Стойновой, А. А. Зализняк за важные соображения по поводу этого текста.

- Добрушина Н.Р. Наклонения и дискурсивный режим текста на примере употреблений частицы *пусть*. Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. М.: 2008. С. 135–160.
- Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: ЯСК. 2006.
- Князев Ю.П. Адресатное и обобщенно-личное значения форм 2-го лица // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. М.: Языки славянских культур. 2008.
- Ковтунова И.И. Несобственно-прямая речь в современном русском языке // Русский язык в школе, 2. 1953.
- Ковтунова И.И. «Несобственно прямая речь» в языке русской литературы конца XVII – первой половины XIX в. Москва: Азбуковник. 2010.
- Кустова Г.И. Семантические модели иерархизации и интерпретации в непредметной сфере (на примере прилагательных *важный* и *серьезный*) // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М.: «Индрик». 2003. С. 376–387.
- Кустова Г.И. Производные значения с эксперпенциальной составляющей // Семиотика и информатика, 36. М.: Языки русской культуры: Русские словари. 1998. С. 19–40.
- Левонтина И.Б. НЕОЖИДАННО, ВДРУГ и др. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д.Апресяна. 2-е изд. М. – Вена. 2004.
- Левонтина И.Б. О чем речь? М.: АСТ. 2015.
- Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. М.: ЯСК. 2004.
- МАС – Евгеньева А.П. (Ред.) Словарь русского языка. В 4 т. М.: Русский язык. 1981. (= «Малый» академический словарь).
- Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984.
- Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Изд. 6-е, испр. М.: Изд-во ЛКИ. 2010 (1-е изд. – М.: Наука. 1985). <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/paducheva1985.pdf>
- Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., 45(5). 1986. С. 413–424. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/OL'A86-5_.pdf
- Падучева Е.В. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола БЫТЬ // Russian linguistics, 16. 1992. С. 53–63. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/byt_1992.pdf
- Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М. 1996. (Изд-е 2-е – М. 2010). <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemant1996.pdf>
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: ЯСК. 2004. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf>
- Падучева Е.В. Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации // Исследования по теории грамматики, вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. М. 2008. С. 56–86.
- Падучева Е.В. Статьи разных лет. М.: ЯСК. 2009.
- Падучева Е.В. Интерпретация форм времени в нарративном и гипотаксическом контексте // Русский язык в научном освещении, 2(20). 2010. С. 5–25. <http://www.ruslang.ru/doc/rjano20.pdf>
- Падучева Е.В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания, 3. 2011а. С. 3–18. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/egocentrals.pdf>
- Падучева Е.В. Проблемы структуры нарратива: *вдруг* у Достоевского // Ulica Ševčenko 25 korpus 2. Scritti in onore di Claudia Lasorsa. A cura di Valentina Benigni, Alessandro Salacone. Roma. 2011б.
- Падучева Е.В. Семиотика ошибки: введение в заблуждение как прием // Человек о языке – язык о человеке. Сб. статей памяти академика Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник. 2012. С. 255–270. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/semiotika%20oshibki.pdf>
- Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка и режимы интерпретации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 12. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2013. С. 486–503. <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/PaduchevaEV.pdf>
- Плунгян В.А. Общая морфология. М.: УРСС. 2000.
- Плунгян В.А. Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики, вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. М.: 2008. С. 7–34.
- Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ. 2011.
- Раппапорт Г. Перфективация состояний // Типология вида. Проблемы. Поиски. Решения. М. 1998. С. 381–395.
- Сай С.С. Динамика развития обстоятельств времени со значением предшествования на интервал // Избыточность в грамматическом строе языка. Acta Linguistica Petropolitana, VI(2). СПб.: Нестор-История. 2010. С. 131–183.
- Урысон Е.В. Аспектуальные компоненты в значении существительного // Московский лингвистический журнал, 2. М.: РГГУ. 1996. С. 380–385.
- Успенский Б.А. Поэтика композиции. М.: Искусство. 1970. (Переизд. – СПб.: Азбука. 2000).
- Успенский Б.А. Дейксис и вторичный семиозис в языке. Вопросы языкознания, 2. 2011. С. 4–30.

- Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания, 2. 2003. С. 32–54.
- Шагуновский И.Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. М.: Школа; Языки русской культуры. 1996.
- Шведова Н.Ю. (Ред.) Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М. 2007.
- Шелякин М.А. Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы. М.: Флинта; Наука. 2005.
- Шмид В. Нарратология. М.: ЯСК. 2008.
- Babby L.H. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor: Karoma Publishers. 1980.
- Benveniste E. Les relations de temps dans le verbe français. BSL, 54. 1959 (Русский перевод в книге: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс. 1974).
- Bäuerle R. Temporale Deixis, temporale Frage. Tübingen: Narr. 1979.
- Condoravdi C., Gawron J.M. The context-dependency of implicit arguments // Kanazawa M., Piñon Ch., de Swart H. (Eds.) Quantifiers, deduction, and context. Stanford. 1996. P. 1–32.
- Fillmore Ch. Lexical Entries for Verbs // Foundations of Language, 4. 1968. P. 373–393.
- Fillmore Ch. Santa Cruz lectures on deixis. Reproduced by the Indiana university linguistic club. Bloomington (Indiana). 1975.
- Fillmore Ch. J. How to know whether you're coming or going // Linguistik. Athenäum. 1971. P. 369–379.
- Fillmore Ch. Towards a descriptive framework for spatial deixis // Jarvel la R.J., Klein W. (Eds.) Speech, place and action. Chichester etc.: J. Wiley and sons. 1982. P. 31– 60.
- Goddard C. Semantic Analysis: A practical introduction. Oxford: Oxford University Press. 1998.
- Heim I. On the projection problem for presuppositions // Barlow M., Flickinger D., Wescoat M. (Eds.) WCCFL 2: Second Annual West Coast Conference on Formal Linguistics. Stanford University. 1983. P. 114–125.
- Hopper J., Thompson S.A. Transitivity in grammar and discourse // Language, 56. 1980. P. 251–299.
- Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge (Mass.). 1957 (Русский перевод: Р. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // О.Г. Ревзина (Отв. ред.) Принципы типологического анализа языков различного строя. М. 1972).
- Karttunen L. Presupposition and linguistic context. Theoretical linguistics, 1. 1974. P. 181–94.
- Kratzer A. Semantik der Rede. Kronberg: Skriptor. 1978.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago – L.: University of Chicago Press. 1980.
- Lasersohn P. Context dependence, disagreement, and predicates of personal taste // Linguistics and philosophy, 28. 2005.
- Lyons J. Semantics. V. I–II. Cambridge. 1977.
- Moltmann F. Generalizing Detached Self-Reference and the Semantics of Generic One // Mind & Language, 25(4). 2010. P. 440–473.
- Partee B.H., Borschev V. Genitive of negation and scope of negation in Russian existential sentences // Toman J. (Ed.) Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Ann Arbor Meeting 2001 (FASL 10). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications. 2002. P. 181–200.
- Postal P.M. On the surface verb remind // Linguistic Inquiry, 1(1). 1970.
- Smith C.S. The parameter of aspect. 1991 (2-nd ed. – Dordrecht 1997).
- Stalnaker R. C. Pragmatics // Davidson D., Harman R. Semantics of natural language. Dordrecht: Reidel. 1972. P. 380–397.
- Stephenson T. Judge dependence, epistemic modals and predicates of personal taste // Linguistics and Philosophy, 30. 2007.
- Tammi P. Risky business: probing the borderlines of FID. Nabokov's An affair of honor (Podlec) as a test case. // Linguistic and literary aspects of free indirect discourse from a typological perspective. Tampere, Tampereen yliopisto taideaineiden laitoks. 2003. P. 41–54.
- Wierzbicka A. Descriptions or quotations? // Sign, Language, Culture. V. I. The Hague – Paris. 1970. P. 627–644. (Рус. пер.: Вежицкая А. Дескрипция или цитация? // Новое в зарубежной лингвистике, 13. Лингвистика и логика (проблемы референции). М.: Радуга. 1982. С. 237–262).
- Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wrocław etc.: Ossolineum. 1969.
- Wierzbicka A. Lingua mentalis. Sydney. 1980.
- Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Berlin – N. Y.: Mouton de Gruyter. 1991.
- Wittgenstein L. Philosophical investigations. Oxford. 1953 (4th ed. – 2009).

14 Основная литература

- Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, 28. М. 1986. (Перепечатано в: Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. М. 1995).
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. 1997.
- Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М. 1996. (Изд-е 2-е – М. 2010). <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantlss11996.pdf>
- Падучева Е.В. Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации // Исследования по теории грамматики, вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. М. 2008. С. 56–86.
- Падучева Е.В. Интерпретация форм времени в нарративном и гипотаксическом контексте // Русский язык в научном освещении, 2(20). 2010. С. 5–25. <http://www.ruslang.ru/doc/rjano20.pdf>
- Падучева Е.В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопросы языкознания, 3. 2011а. С. 3–18. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/egocentrals.pdf>
- Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка и режимы интерпретации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 12. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2013. С. 486–503. <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/PaduchevaEV.pdf>
- Плунгян В.А. Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики, вып. 4. Грамматические категории в дискурсе. М.: 2008. С. 7–34.
- Успенский Б.А. Поэтика композиции. М.: Искусство. 1970. (Переизд. – СПб.: Азбука. 2000).
- Benveniste E. Les relations de temps dans le verbe français. BSL, 54. 1959 (Русский перевод в книге: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс. 1974).